

ОТ АВТОРА
ГРОЗОВЫХ ВОРОТ

Александр Тамоников

Диверсант- одиночка

Тамоников. Честь имею

Александр Тамоников
Диверсант-одиночка

«ЭКСМО»

Тамоников А. А.

Диверсант-одиночка / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
— (Тамоников. Честь имею)

ISBN 5-699-12903-0

Майор спецназа Андрей Москвитин – диверсант-одиночка. Его всегда посылают на самые секретные и ответственные операции. Вот и на этот раз ему предстоит серьезное дело. В Чечне, в ущелье Хатулам, ожидается сход бандитских главарей. Москвитин должен ликвидировать их всех скопом. Но его непосредственный начальник, генерал спецслужбы, оказался предателем. Он в сговоре с бандитами и послал майора не на задание, а на гибель. Ведь Москвитин располагает компроматом на генерала, который не должен попасть наверх. Но майора не так-то легко уничтожить...

ISBN 5-699-12903-0

© Тамоников А. А.

© Эксмо

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Тамоников

Диверсант-одиночка

Часть I

ПОДСТАВА

Глава 1

Городской телефон задребезжал поздней ночью. Сотрудник секретной спецслужбы майор Андрей Москвитин с трудом оторвался ото сна, такого крепкого под однотонный шум затянувшегося не по-летнему дождя.

Он протянул руку к тумбочке, включил ночник, нащупал трубку.

– Да!

Но в ответ – длинный гудок. Видимо, оборвалась связь, а может, неизвестному абоненту надоело ждать, пока проснется майор. Если так, то звонок либо повторится, либо его оставят до утра в покое.

Андрей протер глаза. Интересно, кому он понадобился ночью? Семьи у него не было. Друзей иметь не полагалось, он их и не имел, и не только из-за режима собственной секретности. Друзья остались в далекой юности и провинциальной области, в одной из глухих деревень, где он вырос. И где не был уже, наверное, лет семь, а может, и больше. Исключение, пожалуй, составляли два человека – сосед по подъезду, Слава Павлов, да Оксана, женщина, с которой Андрей иногда встречался. Но первый сейчас пил, а второй майор всегда звонил сам, Оксана его номера не знала. Родители Москвитина умерли молодыми, когда ему и семи лет не было. Воспитывал его дед. Но и тот уже год, как покоится на деревенском погосте. Андрей не смог попасть на его похороны. Служба. Да, служба, она стала его жизнью, в которой все мысли и действия подчинены одному – выполнению заданий командования. Заданий, по большей части заключающихся в поиске и физическом устранении лиц, представляющих угрозу национальной безопасности. Москвитин не был киллером, он значился в штате как офицер особого применения, а попросту говоря – диверсантом-ликвидатором и одиночкой. Что не означало его полной автономности. Акции, в которых секретный агент Моски́т – такое кодовое название носил Андрей – решал те или иные задачи, готовились штабом службы; его боевые выходы, по необходимости, прикрывались спецподразделением, чаще штурмовой группой отряда спецназа «Гарпун», но финальную часть любой операции майор проводил лично. А иногда Андрей работал с самого начала и до конца один, без прикрытия и помощи. Он выполнял задания, и в его работе еще не было сбоев, поэтому в Службе Москвитина ценили как профессионала высочайшей квалификации и использовали по полной программе. Будь то ликвидация наркобарона, одиозного полевого командира или преступного авторитета.

Звонок повторился.

Андрей взглянул на часы: 2.07. Самое «подходящее» время для разговора. Вновь ответил:

– Да?

На этот раз он услышал голос, который немного удивил майора. Ибо он принадлежал Анастасии Ковалевой, сотруднице информационно-аналитического отдела спецслужбы. Удивил потому, что Андрей не был настолько близок с этой женщиной, чтобы та могла запросто ночью позвонить ему. Она и днем-то никогда раньше не делала этого. Их отношения уклады-

вались в чисто служебные рамки, не более того. Ну, может, Москвитин когда и отпускал Ковалевой комплименты, так как при подготовке к заданиям тесно контактировал с аналитиками, да и дама она была видная, красивая. Майор знал, что живет Ковалева с дочерью, без мужа. Знал ее адрес. Раз или два подвозил по случаю к дому, но этим все и ограничилось. До сего времени, по крайней мере.

– Андрей? Это Ковалева.

– Я уже понял, доброй ночи, Настя. Ты, случайно не спутала мой номер с чьим-нибудь другим?

– Нет, не спутала. И не смотри, пожалуйста, на часы! Я знаю, сколько сейчас времени. Нам нужно срочно встретиться!

Эти слова еще больше удивили Москвитина. Встретиться? Ночью? Зачем? Ведь буквально через шесть часов им обоим быть в офисе.

– Что-то случилось, Настя?

– Да, случилось! Прошу, приезжай ко мне! И ни о чем не спрашивай. Когда я тебе все объясню, ты поймешь, что я не напрасно настаиваю на встрече в столь неудобное время!

– Хорошо. Я приеду. Дочь, надеюсь, спит?

– Спит. Так что лучше постучи.

– Добро. А ты приготовь кофе. Покрепче. Минут через сорок буду.

– Приготовлю. Код двери 1-3-8, лифт не работает.

– Неплохая информация, у тебя двенадцатый этаж?

– Тринадцатый, квартира 76.

– Это я помню.

– Только, Андрей, ты машину перед домом не свети. Лучше оставь ее возле кинотеатра. И не удивляйся, если в окнах не будет гореть свет.

– Даже так? У тебя есть повод прибегать к подобным мерам предосторожности? Тебе что-то грозит?

Женщина, недолго помолчав, ответила:

– Возможно.

– Так почему не пригласить бригаду отдела физической защиты? Они быстро ликвидируют любую угрозу!

– Это исключено. Все, Андрей, я жду тебя!

Черт. Что же это произошло с Анастасией? Всегда спокойной, уравновешенной, даже немного надменной дамой, знавшей себе цену? Но что-то явно вывело ее из этого привычного состояния. По голосу, почти неуловимо, но Андрей все же почувствовал, что Настя приняла немного спиртного, чего не делала даже на высоких приемах, куда нередко приглашались сотрудницы Службы.

Андрей натянул водолазку, черный джинсовый костюм, поверх надел такую же черную кожаную куртку. Подумав, положил в боковой карман свой штатный пистолет «ПМ», в накладной – миниатюрный прибор ночного видения в виде театрального бинокля, надел высокие, на мягкой подошве осенние ботинки и вышел из квартиры.

Улица встретила его легким, прохладным ветром, сыпавшим в лицо горсти мелкой водяной пыли. Майор поежился и быстро направился на автостоянку, благо она располагалась недалеко.

Улицы столицы в это время интенсивностью движения не отличались даже в центре, где ночная жизнь только вступала в свои права, и уже через полчаса Андрей оставил служебную «Хонду» возле кинотеатра, от которого до высотного здания Анастасии было минут десять неспешного пешего хода. Андрей, помня о просьбе Ковалевой насчет соблюдения некоторых мер безопасности, обошел ее дом и зашел в арку, прямо противоположную нужному подъезду. Под аркой было темно, и майор решил потратить несколько минут на обзор довольно обшир-

ного и вместительного двора перед высоткой. Через «бинокль» он тщательно осмотрел территорию, уделяя особое внимание стоянке автомобилей, которых Москвитин насчитал шестнадцать штук. И одна иномарка привлекла его внимание. А именно не первой свежести, но еще приличный «Форд». В его салоне сидело двое типов. В принципе, это ничего не значило, если бы один из них в какое-то мгновение не наклонился и не посмотрел на верхние этажи здания, как раз туда, где находились окна квартиры Анастасии. Как она и предупреждала, совершенно темные. Тип только взглянул наверх и тут же вернулся на место. Ни сама машина, ни ее номер Москвитину ни о чем не говорили. Он видел этот «Форд» впервые. Лиц сидящих в нем людей, понятно, определить не мог. Хотя, нет, стоп! Тот, что заглядывал на верхние этажи, открыл дверцу иномарки и вышел из салона. Огляделся, что позволило зафиксировать майору его физиономию, расстегнул ширинку и выдал приличную струю на заднее колесо стоявшего рядом новенького «Мерседеса». Андрей рассмотрел одного из ночных наблюдателей, но это не дало майору ровным счетом ничего. Как и машина, этот молодчик был ему неизвестен. А память профессионального диверсанта Москита еще ни разу его не подводила. Иначе он и не был бы тем, кем был.

Но рисоваться даже перед этими неизвестными ребятами, возможно, просто ожидавшими кого-то, вполне вероятно, что и платную шлюху, не стоило. Поэтому Москвитин вошел в ближайший от арки подъезд, шестой по счету от нужного. Кодовый замок защелкнут не был, и дверь открылась без проблем. Не встретил Андрей никакого препятствия при спуске в подвал и продвижении по нему.

Так что в подъезд № 1 он вошел, минуя входную дверь. И, соответственно, незамеченным для парней из «Форда».

Возможно, майор перестраховался излишне и в тайном проникновении в дом не было никакой необходимости. Но, во-первых, о соблюдении мер предосторожности его попросила сама Ковалева, а во-вторых, майор во всем и всегда привык страховаться.

Находясь в прекрасной физической форме, майор без особого труда поднялся на тринадцатый этаж. Перед последним пролетом остановился, прислушался. Тишина полная. Подошел к квартире № 76. Постучал в косяк. Дверь почти тут же открылась, и Ковалева в узком и коротком халатике буквально затащила его в темную прихожую, закрыла наружную и внутреннюю двери.

– Иди за мной.

Андрей начал было разуваться, но хозяйка квартиры сказала:

– Оставь, проходи так.

Майор последовал за ней на кухню, где горел ночник, а окно закрывало плотное одеяло. Москвитин присел к столу, Ковалева устроилась напротив.

Андрей осмотрелся.

– Что-то я кофе не вижу.

Анастасия встала, продемонстрировав перед майором почти неприкрытую стройную фигуру:

– Извини, я все сделала, сейчас подогрею! А ты, если хочешь, кури, пепельница на стойке.

Андрей достал пачку «Мальборо», закурил. Настя поставила на стол две объемные чашки кофе, распространявшего сильный аромат, сахарницу, пакетики со сливками и ложки.

– Обещанный кофе. Настоящий, бразильский.

Затушив сигарету и взяв чашку в руку, майор взглянул на Ковалеву:

– Ты просила приехать, я приехал. Ты хотела мне что-то сказать? Говори, я слушаю.

– Ты говоришь, как восточный бай.

– Да? Возможно. Мне часто приходилось работать на Востоке, и ты это знаешь.

– Знаю. То, что я сейчас расскажу, скорее всего покажется тебе невероятным, но все – правда!

Анастасия, отпив глоток кофе и закулив, начала рассказывать. Вчера перед окончанием работы ей на сотовый телефон позвонил бывший муж Артем, в настоящее время обитающий с другой семьей в Бельгии. Попросил свидания. Говорил, что ради этого свидания и прилетел в Россию. Анастасия не хотела встречаться, все же в свое время этот Артем обманул ее, бросив с грудным ребенком в коммуналке ради отдельной благоустроенной квартиры дочери одного известного в столице адвоката. Но прошли годы, Настя сумела найти свое место в этой жизни, боль от предательства притупилась. И уж очень горячо, чуть ли не с мольбой в голосе бывший муж просил встречи. Андрей, которому эта вступительная часть рассказа была совершенно неинтересна, попросил коллегу перейти к делу: ради чего она ночью вытащила его из теплой, хоть и одинокой постели.

– Хорошо. Перейду к делу. В общем, договорились мы с Артемом встретиться в ночном кафе «Каприз», что на набережной недалеко от гостиницы «Украина», знаешь такое?

– Нет. Я там никогда не был.

– Неважно. Обычное кафе, с претензией на элитность, и достаточно уютное. Бывший супруг хотел заехать за мной, я отказалась. Встретились в кафе. Он заказал столик в углу главного зала, а там еще во втором, более крупном, зале отдельные открытые кабинки расположены, прямо по пути, извини, в туалеты.

Андрей взглянул на женщину:

– Ты считаешь, мне нужно знать схему расположения помещений в каком-то кафе, которое совершенно меня не интересует?

– Ну что ты меня перебиваешь? Слушай и поймешь, к чему я так подробно описываю тебе кафе... Так вот, устроились мы с Артемом за столиком, немного выпили, – все же прав был Андрей, почувствовав при телефонном разговоре, что Анастасия не совсем трезва, что сейчас уже было незаметно, – Ковалев поплакался, что жизнь со второй семьей у него не сложилась, и просил, ну ты сам понимаешь, что он просил, вновь принять его, а вернее, уехать с ним в Бельгию. В общем, пока он распускал нюни, я пошла в туалет. И вот тут начинается самое интересное и невероятное. Проходя второй зал, я случайно бросила взгляд на одну из кабинок и увидела в ней сидящих по одну сторону весьма богато сервированного стола нашего многоуважаемого шефа – господина Оболенского, а по другую сторону – кого бы ты думал?

– Ну откуда мне знать?

– Правильно, ни за что не догадаешься. С другой стороны стола я увидела Ахмеда Астаминова, или Батыра, который, как тебе известно, является полевым командиром Джур, Адама Дахашева!

Москвитин невольно отставил свою чашку:

– Но это невозможно, Настя! И Батыр, и его хозяин Джур в Чечне! Их усиленно, но пока тщетно ищет отряд «Гарпун», переброшенный на Кавказ как раз в целях их обнаружения.

– Вот именно, Андрей, что тщетно! Как ребята полковника Карцева могут отыскать Батыра в горах, если он в Москве?

Андрей внимательно посмотрел на женщину:

– А ты не обозналась, Настя? Все же полумрак кафе, встреча с бывшим мужем, бокал вина... Насчет Оболенского я речи не веду, генерала ты ни с кем спутать не могла, а вот его собеседник?

– Я знала, что задашь мне этот вопрос. Я сначала, когда вошла в туалет, засомневалась: а не померещилось ли мне? Поэтому на обратном пути сфотографировала нашего шефа с его собеседником. У меня всегда с собой ручка-камера. Хочешь взглянуть на фотографию?

– Мне она ничего не скажет, я не видел ни фото Батыра, ни сам оригинал. Слышать – слышал, но так как конкретно по нему не работал, к досье доступа не имел.

Женщина поднялась:

– Я это знала. Поэтому сразу по возвращении домой через свой ящик вскрыла базу данных нашего офисного компьютера. И скачала оттуда информацию по Ахмеду Астаминову. Подожди.

Анастасия вскоре вернулась, неся стандартный лист бумаги, фотографию и фонарик. Бросила все это перед Москвитиным:

– Перед тобой фото из досье и мой снимок, сделанный в кафе, взгляни на них.

Майор положил фото из кафе рядом с принтерной копией досье, осветил их фонариком. Внимательно взгляделся в предоставленные документы. Выключил фонарь, закурил, проговорив:

– Да, невероятно.

– Теперь ты убедился, что на обоих снимках одно и то же лицо?

– Убедился, Настя. Но... нет, это черт-те что получается. Отряд спецназа рыщет по переделам и ущельям в поисках бандита, а они, вернее, один из них спокойно лакает коньяк в Москве? И с кем? С руководителем спецслужбы, генералом Оболенским?

Москвитин задумался.

– А может, Оболенский по приказу сверху начал закулисные переговоры с Джурой? Через Батыра? А, Андрей?

Майор ответил кратко:

– Вряд ли.

Женщина повернулась к нему:

– Но почему? Допустим, Джюра – Дахашев осознал, что дальнейшее сопротивление бесполезно, но решил выторговать для себя приемлемые условия прекращения противодействия федеральным войскам? И тогда встреча нашего генерала с Астаминовым хоть как-то объясняется.

Андрей отрицательно покачал головой:

– Нет, Настя. Джуре, у которого руки по локоть в крови, на снисхождение рассчитывать не приходится. Никто не пойдет с ним на переговоры. Даже на контакт не пойдет! Дахашев обречен, и рано или поздно пуля или осколок гранаты найдет его в Чечне или в какой-либо другой стране. Это во-первых. А во-вторых, Джюра отнюдь не является самостоятельной фигурой, чтобы принимать подобные решения. За ним стоят более влиятельные силы, деньги которых бандит просто обязан отработать. Хозяева не дали бы Джуре попытаться выйти из игры!

– Но тогда?

Москвитин поднялся:

– Тогда, Настя, налицо сговор руководителя спецслужбы с боевиками. В частности, этим можно объяснить, почему террористам в Чечне удастся ускользнуть от поисково-штурмовых групп отряда «Витязь»! Бандиты в курсе наших планов.

Анастасия обхватила голову руками:

– Господи! Но как же так?

– Вот так. Вспомни, не видел ли тебя в кафе сам Оболенский или кто-нибудь из его охранников?

Ковалева, немного подумав, ответила:

– Нет. Не думаю. Оболенский не видел точно. А телохранители? Их я там не заметила. Да их и не могло быть, если шеф встречался с полевым командиром Джеры.

Москвитин согласился:

– Возможно. Ты еще долго рассаживала с муженьком в этой забегаловке после того, как увидела Оболенского?

– Нет. Что я, дура? Мы с Артемом тут же ушли.

– И на улице опять не заметила ничего подозрительного?

– Нет.

Майор выключил ночник, прошелся по комнате, отодвинул одеяло на окне, взглянув вниз. «Форд» стоял на прежнем месте. Отсюда Андрей не мог видеть, находятся ли пассажиры в салоне или покинули его. Но скорее всего двое парней в машине. Он спросил женщину:

– Настя! Ты, наверное, знаешь все автомобили, которые находятся возле дома постоянно?

– Примерно, а что?

– Подойди сюда.

Ковалева встала рядом с майором.

– «Мерин» «шестисотый», третий от второго подъезда, чей?

– Мужика какого-то. Кто он и что собой представляет, не знаю, но живет в доме и ставит «Мерседес» почти каждую ночь как раз в том месте. Он еще вечером, часов в десять, с женой и огромной собакой по двору прогуливается. А вот утром не видела. Я обычно уезжаю, когда «мерс» еще стоит на стоянке.

– Ясно. А «Форд», что притерся к нему, чей?

– «Форд»? Этот вижу впервые. Хотя вон и «Шкода», по-моему, первый раз здесь ночует, да и «Волгу» с какой-то иномаркой тоже раньше я не замечала возле дома. А в чем, собственно, дело, майор?

Андрей отвел Ковалеву от окна, объяснив:

– А то, что в этом «Форде» находятся два мальчика, один из которых время от времени посматривает вверх, как раз в сторону твоих окон. Но, может быть, они к тебе и не имеют отношения.

Ковалева вдруг вернулась к окну, еще раз взглянув вниз.

Повернулась к майору:

– У тебя наверняка оптика с собой?

– Конечно.

– Одолжи-ка на секунду.

Москвитин передал ей прибор ночного видения.

Настя выглянула еще раз, но почти сразу отошла от окна, задернув плотно одеяло.

– Нет. Ошиблась.

– В чем?

– У кафе, когда мы с Артемом уходили, стоял «Форд», очень похожий на тот, что припаркован у дома. Но не тот!

– Точно?

– Точно. У того, что был возле кафе, стекла тонированы, у этого нет.

Они вновь присели. Настя, включив лампу, спросила:

– Что ж мне теперь делать, Андрей?

– Твое проникновение в базу данных главного компьютера не обнаружат?

– Если Оболенский не поставит Владимирову такой задачи.

Подполковник Владимиров являлся начальником информационно-аналитического отдела Службы.

– А если шеф поставит ему такую задачу?

– То взлом, естественно, обнаружат. Я же скачивала информацию.

– И узнают, кто это сделал?

– С этим сложнее. Я входила в базу данных через сеть МВД. Так что, если Владимиров что и определит, то только факт взлома.

Андрей произнес:

– Боюсь, если генерал заинтересуется главным компьютером, то ему будет и этого достаточно.

– Ты о чем, майор?

Москвитин взглянул в глаза женщине:

– О том, что посещение кабака с бывшим мужем может для тебя кончиться крупными неприятностями. Кстати, а почему ты не пригласила своего Артема домой?

Женщина тряхнула головой:

– Ему здесь нечего делать. Что было, то прошло и возврата к прошлому не будет, ни при каких условиях.

Андрей поинтересовался:

– Слушай, а он, твой бывший, богатенький или так себе?

– Упакованный. Свой дом, приличный счет в банке, он показывал мне чековую книжку, собственный бизнес и все прочее. Только мне это, Андрюша, как-то до лампочки. Я его видеть не хочу.

– Он надолго прилетел в Москву?

Настя бросила на майора недовольный взгляд.

– Андрей! Может, закроем тему Артема?

– Закроем, но не сейчас.

– Ну, хорошо, хорошо. Артем планировал провести в России неделю.

– Ты сказала в России?

– О, господи, ну в Москве. Какая разница?

Майор повторил:

– Неделю. И что входит в его планы? Уговорить тебя вернуться к нему?

– Не только, Артем хотел повидаться с дочерью, побыть какое-то время в ее обществе, ну и все такое. Только ничего у него не выйдет. И я на прощание у подъезда так ему и сказала.

– А он?

– Сказал, что зайдет еще, хоть взглянуть на собственного ребенка и попрощаться. Потом ушел.

– Он не сказал тебе, где остановился?

– Говорил, но я не запомнила, в отеле каком-то.

– Так и не запомнила? Ты – и не запомнила?

– Ну, хорошо, в гостинице «Националь», только не понимаю, зачем тебе это?

Андрей вновь поднялся:

– Чисто из интереса. Но ладно. Короче, хватит пустых разговоров. Я сейчас испаряюсь. Фотографию и досье заберу с собой. Ты же завтра на службу не выходи. Позвони, что заболела дочь. Будь дома. Отвечай только по мобильнику и только мне, номер знаешь, к городскому телефону не прикасайся. Ну и, естественно, никому, даже собственному бывшему мужу, дверь не открывать! Я прокачаю обстановку с утра, ближе к обеду свяжусь с тобой. Уяснила? Проводи меня и ложись спать.

Москвитин в сопровождении хозяйки вышел в прихожую, аккуратно открыл внутреннюю дверь, посмотрел в объемный «глазок». В коридоре никого. Тихо приоткрыл металлическую дверь, замер, чутко вслушиваясь в тишину подъезда. Так простоял около минуты. Похоже, и подъезд «чист». Подмигнул Насте и вышел на площадку. Женщина тут же бесшумно закрыла двери. Москвитин начал спуск. Вышел к арке тем же путем, которым пришел от нее к Насте, через подвал. На прежнем месте, где останавливался час назад, вновь замер у угла. Навел «бинокль» на «Форд». Молодчики продолжали находиться в машине. Похоже, они вздремнули, так как оба откинули головы на подголовники своих сидений. Андрей взглянул на часы: 4.32. Пока он дойдет до своей «Хонды», пока вернется домой, будет как минимум полшестого. А в 6.30 вставать. Но час на сон для спецназовца – это время! Не знал майор Андрей Москвитин, что видел Анастасию Ковалеву в последний раз. И что уже сегодня узнает страшную новость о судьбе той, с которой только что разговаривал, и об участии ее дочери с бывшим мужем, так некстати решившим наведаться в Москву. И что события, последовавшие за этой новостью,

резко изменят всю жизнь и самого Москвитина. Андрей не знал этого, хотя и уезжал от кинотеатра домой с тяжелым предчувствием, но в надежде, что на этот раз интуиция его обманывает.

Анастасия заблуждалась, когда посчитала, что ее визит в кафе «Каприз» и совершенно случайное свидетельство встречи своего непосредственного начальника с одним из известных чеченских террористов останутся незамеченными. Да, штатных телохранителей Оболенского в кафе не было и быть не могло, но во втором зале все же присутствовал тот, на кого она не обратила внимания. А именно личный помощник генерала, капитан Григорян, сидевший за столиком напротив кабины шефа, лапающий сидящую у него на коленях шлюху, но не забывающий внимательно отслеживать обстановку в зале. Он-то, скрытый проституткой, и заметил Ковалеву, когда та проследовала в туалет. Появление Анастасии сильно встревожило верного пса Оболенского, Григоряна. За соседним столиком находились два молодчика, люди самого Григоряна, к спецслужбе отношения не имеющие. Как только Ковалева вернулась в зал, держа в руке толстую автоматическую ручку-фотоаппарат, капитан понял, что Ковалева засекла Оболенского с чеченом и сделала снимок. Но брать женщину в кафе нельзя. Нельзя поднимать шума. Григорян проводил взглядом скрывшуюся в соседнем помещении Ковалеву, сбросил с колен проститутку, воткнув ей между пышных грудей пятидесятидолларовую купюру и приказав быстро свалить из кафе.

Капитан жестом подозвал к себе молодчиков. Те пересели за его столик. Григорян спросил:

– Высокую красивую брюнетку в темном платье, только что посетившую туалет и прошедшую в соседний зал, видели?

Парни кивнули.

Капитан приказал:

– С этой бабы глаз не спускать. До особого моего распоряжения ничего не предпринимая. Запомните, она представляет для нас серьезную опасность.

– А если она не одна и попытается покинуть кафе?

– Сесть ей на «хвост» и проследить, куда направится! Предупреждаю, упустите ее – вам кранты!

Григорян подошел к кабине, где беседовали Оболенский с Астаминовым.

Генерал спросил:

– Чего тебе?

– Прошу прощения, можно вас на минуту, Петр Константинович.

Оболенский вышел к Григоряну:

– Ну?

– Только что здесь была Анастасия Ковалева.

– Что? Ковалева? А ну-ка подробней.

Капитан доложил о действиях сотрудницы спецслужбы.

Оболенский задумался.

– Какого черта ее принесло сюда? И, говоришь, она сфотографировала нас с Батыром?

– По крайней мере, в руке у нее была вещь, очень похожая на наши авторучки-фотоаппараты.

Генерал выругался.

– Где она сейчас?

– Я послал за ней своих ребят. Думаю, мы скоро узнаем, где она и что делает.

– Вот и узнавай! Мы с Батыром уезжаем. Запасной выход свободен?

– Так точно, генерал.

– Машину к нему! Сам оставайся здесь и возглавь слежку за Ковалевой. Обо всех ее перемещениях, движениях и возможных компаньонах докладывать мне немедленно. По обстановке я решу, что с ней делать.

Оболенский вернулся к чеченцу. Капитан достал портативную рацию, ничем не отличающуюся от обычного сотового телефона, передал распоряжение водителю генерала подать «Мерседес» к запасному выходу.

Настя с Артемом поймали такси и направились в центр города. Это стало тут же известно капитану, и обо всем этом Григорян доложил шефу. Генерал распорядился наблюдать объекты.

Астаминов, он же Батыр, поинтересовался:

– Почему, друг, мы в экстренном порядке покинули кафе? Возникли какие-либо проблемы?

– Небольшие, Ахмед. Давай обсудим последние пункты нашего соглашения, а именно сумму и порядок оплаты сделки.

– Джура предлагает десять миллионов долларов и ранее использованный проверенный канал перевода валюты в известный вам швейцарский банк. При наличии, естественно, товара, что интересует нас.

– Хорошо. Пусть Джура ждет груз в условленном месте. Его сбросят с транспортного самолета точно в назначенное время. Но... – Оболенский улыбнулся, – естественно, после оплаты товара. А сейчас телохранитель проводит вас в подземный гараж, откуда доставит прямо в аэропорт. Ваш рейс, господин Астаминов, – генерал взглянул на золотые наручные часы, – в 7.05. Документы и билеты, а также сопровождение до трапа лайнера обеспечит все тот же телохранитель. Разговаривать с ним бесполезно, ни на какие вопросы и просьбы этот человек реагировать не будет. Это я к тому, чтобы данное обстоятельство не стало для вас сюрпризом. И, уж тем более, не показалось оскорбительным.

Оболенский вызвал молодого крепкого человека из личной охраны, определил ему задачу по гостю, после чего Астаминов покинул особняк руководителя одной из антитеррористических спецслужб и компаньона злейшего врага России Джуры, Адама Дахашева. У них был налажен совместный бизнес. А в бизнесе, как известно, главное – прибыль. Остальное не в счет. В том числе и совесть, и честь, и мораль. На них даже бутылку водки не купишь, в отличие от приятно хрустящих североамериканских или европейских банкнот.

Проводив Ахмеда Астаминова, Оболенский, достав из коробки сигару и закулив, присел в широкое кожаное кресло. Мысли его были о Ковалевой. Какого черта капитан-аналитик его службы оказалась в кафе «Каприз»? Не заметить Оболенского за одним столом с лицом кавказской национальности она не могла. Эх, Ковалева, Ковалева, надо же так подставиться? Итак, исходим из того, что Анастасия все же сфотографировала его с Ахмедом. Что дальше? Проявит снимок, это очевидно, как очевидно и то, что попытается идентифицировать чеченца с террористами, по которым работает Служба. Это возможно, если вытащить из базы данных главного компьютера нужное досье. Ковалева сумеет это сделать даже из дома, прикрывшись какой-либо крупной организацией или даже ведомством. Допустим, она сделает это и убедится, что он, Оболенский, встречался с Астаминовым, Батыром. С фотографией и копией досье ей идти некуда и не к кому. В ФСБ? Вряд ли! Она должна понимать, что такого хода ей не простят. А у Ковалевой дочь. Нет, рисковать она не будет. Скорее передаст компромат кому-нибудь из влиятельных офицеров Службы, тому, кто и вес имеет, и от Оболенского не очень зависит. Кому конкретно она сбросит информацию, гадать бесполезно. Кандидатов, на которых Ковалева может остановить свой выбор, достаточно. Вопрос в другом: когда она сделает это? С утра? Или выждет какое-то время?

Рация выдала сигнал вызова.

На связь вышел Григорян. Он доложил, что такси с объектами наблюдения, довольно долго покружив по центру, остановилось у гостиницы «Националь».

Мужчина вышел из автомобиля. «Волга» тут же отошла. Партнер Ковалевой, видимо, получил отказ в продолжении вечеринки, так как выглядел расстроенным. Проводив такси, он зашел в отель. Ковалева же направилась к себе домой, где сейчас и находится.

Генерал подумал, странно как-то рассталась одинокая Настя с мужиком, с которым могла провести ночь. И почему тот вошел в гостиницу? Весьма недешевую, кстати. Остановился в ней? Но тогда мужчина не москвич, а приезжий? Или все же житель столицы, решивший провести ночь в отеле. Все может быть!

Генерал вызвал помощника и приказал «пробить» мужчину, кто он, где постоянно проживает, на какое время снял номер и какой номер? Людям же капитана наблюдать за подъездом Ковалевой, сменив автомобиль. Всех входящих и выходящих из него людей фиксировать на видеокамеру. В случае выхода самой Анастасии задержать ее. Если женщина будет с дочерью, то задержать и дочь. Но тихо, без шума, применив усыпляющий газ.

Глава 2

Генерал Оболенский не спал до утра. Наконец он принял решение, как ему поступить, чтобы обезопасить и себя, и предстоящую акцию. Он вызвал по телефону подполковника Владимира.

Начальник информационно-аналитического отдела Службы немного растерялся. Генерал звонил ему домой по городскому телефону впервые за время совместной работы.

– Слушаю вас, Петр Константинович.

– Как понимаю, вы собираетесь на службу?

– Так точно.

– Я попрошу вас, как только прибудете в офис, проверьте, пожалуйста, состояние главного компьютера на предмет возможного несанкционированного проникновения в нашу базу данных.

Подполковник удивился еще больше:

– У вас есть основания полагать...

– Что у меня есть, а чего нет, вас, подполковник, извините, не касается. Проверьте компьютер, но сделайте это так, чтобы никто, я подчеркиваю, никто из сотрудников не узнал об этом. Результаты проверки доложить лично мне. Думаю, нет надобности предупреждать, что они не должны стать достоянием кого бы то ни было!

Затем генерал по специальной связи вызвал капитана Григоряна:

– Ты выяснил то, что я тебе приказал?

– Конечно. В общем, так. Мужчина, что был в кафе с Ковалевой, Ковалев Артем Львович, подданный Бельгийского Королевства, проживает в городе Гент, в Россию прибыл с частным...

Оболенский перебил:

– Подожди, подожди. Ты назвал фамилию ночного партнера Анастасии Ковалев, я не ослышался?

– Никак нет. Ковалев Артем Львович. Бывший муж нашей сотрудницы.

Генерал протянул:

– Я-ясно.

– Итак, в Россию этот бельгиец прибыл с частным визитом сроком на одну неделю. Остановился в «Национале», номер 2013. Номер не ахти какой, полулюкс, но отдельный. В нем Ковалев один.

– Значит, он сейчас в гостинице?

– Так точно.

– Оставайся на месте. К себе вызови Лопырева с прибором искажения голоса, а также Федину. Чтобы через полчаса максимум они находились рядом с тобой. Что с Ковалевой?

Капитан доложил:

– Анастасия Павловна как вошла в подъезд, а затем в квартиру, так еще не выходила из нее. Никто посторонний за время наблюдения до 6.00 в подъезд не входил и не выходил из него. С шести начали появляться жильцы. Сейчас люди начинают выходить на работу.

– Надеюсь, до начала движения ты переместил наблюдателя к квартире Ковалевой?

– Конечно, Петр Константинович, в 5.00 один из моих людей занял позицию в самом подъезде! Он сообщает, Ковалева квартиру еще не покидала.

Генерал посмотрел на часы:

– А должна бы уже. Ладно, работай по установленному плану. Как только объявятся Лопырев с Феდიной, доклад мне. Доклад и в случае выхода из квартиры Ковалевой.

Оболенский поднялся из кресла, прошел к небольшой стенке кабинета своей загородной дачи, открыл крайнюю створку. За ней находилась аптечка. В аптечке небольшой пузырек. В

нем желтые драже. Генерал проглотил две таблетки. Это был препарат, снимающий усталость и ликвидирующий тягу ко сну. А спать генерал после более чем бессонных суток хотел сильно. Сейчас это желание пройдет.

Генерал спустился вниз, сел в служебный «Мерседес». На въезде в город Оболенского вызвал Григорян:

– Указанные вами лица из состава отдела радиотехнической разведки прибыли. Ковалев находится в гостинице. Странно, но Ковалева с дочерью квартиру не покидала, хотя капитану пора на службу, а ребенку в школу.

– А может, Анастасия прошла незаметно для твоего поста наблюдения?

– Это исключено. Один из моих людей по-прежнему находится на этаже, где проживает объект.

– Дай-ка мне Лопырева.

Ответил молодой офицер. Как капитан Григорян и прапорщик Федина, водитель Оболенского и еще человек пять Службы, он был приближенным генерала, готовым выполнить любые его задания. И объяснялась такая преданность очень просто. Оболенский каждого из них лично привел в Службу и платил им не только зарплату по ведомости, но и гонорары за весьма специфическую работу. К тому же на каждого из членов своей команды предусмотрительный генерал имел такой компромат, который мгновенно способен был превратить офицеров спецслужбы в эзков. Оболенский знал людей и умел работать с ними.

Итак, ответил молодой офицер:

– Старший лейтенант Лопырев, товарищ генерал.

– Прибор искажения звука и пленка с голосом Ковалевой с тобой?

– Прибор со мной, пленка у Феდიной.

– Настраивай шарманку, а прапорщик пусть тренируется под Ковалеву.

– Ясно, товарищ генерал.

– Верни аппарат Григоряну.

Ответил капитан:

– Слушаю вас.

– Как Лопырев с Фединой настроят аппаратуру, прапорщик должна выйти на телефон в номере Ковалева! Голосом Анастасии, но очень быстро сказать следующее... Бывший муженек клюнет и сам придет к вам. В машине обработать этого бельгийца так, чтобы в штаны наложил. Морально, естественно. Цель – заставить его работать на нас, никаких имен и фамилий не раскрывая. Задачу для господина Ковалева я уточню позже.

Отключив рацию, Оболенский откинулся на мягкую спинку заднего сиденья. Дальнейшее развитие событий теперь зависит от того, как в офисе поведет себя Ковалев. Но в любом случае до обеда ее необходимо вывести из игры, предварительно узнав, кому она передала компрометирующие генерала документы и передала ли. Фотография и досье должны быть получены до устранения капитана Ковалевой.

По приезде в офис, представляющий собой трехэтажное старинное здание, окруженное парком вековых деревьев и надежным ограждением, Оболенский принял рапорт дежурного, что за время его дежурства никаких происшествий не произошло. Контрольный сеанс с отрядом «Гарпун» состоялся вовремя, также в установленные часы вышли на связь агенты отдела разведки. И лишь в конце доклада сообщил, что на службу не прибыла капитан Ковалева.

Генерал спросил:

– В чем дело, надеюсь, узнали?

– Так точно. У нее заболела дочь, которую необходимо показать врачу.

– Ее начальнику сообщили об этом?

– Так точно. Подполковнику Владимирову я позвонил насчет Ковалевой.

Генерал поднялся на второй этаж, в свой служебный кабинет, внешне напоминающий антикварную лавку. Все в нем было подобрано под старину. И мебель, и портьеры на окнах, и светильники, и даже диван старый с лопнувшей в нескольких местах кожей. И только не вписывался в интерьер его старинный стол. Не вписывался из-за современного кресла и монитора. Да еще, пожалуй, кондиционер как-то искажал общий фон. Но генерал привык работать в комфортных условиях, так что старину, пусть и по большей части бутафорскую, пришлось немного потеснить аксессуарами современности. Следом за Оболенским в кабинет вошла секретарь Аня, дочь бывшего товарища генерала, она внесла поднос с чашкой кофе и папкой с документами. Отпустив секретаршу, Оболенский приложился к кофе. Он любил хороший кофе. Анну при стажировке пришлось отправить в Турецкую кофейню, чтобы она там прошла курс правильного приготовления этого напитка богов. Ученицей девочка оказалась способной, и сейчас генерал с удовольствием смаковал прекрасный, ароматный кофе, черный как смоль, с легкой пенкой по краям чашки. Папку отодвинул в сторону, в ней, как обычно, бумаги, которые он должен либо утвердить, либо отправить на доработку, либо вообще порвать. С ними Оболенский разберется позже. Сейчас он вновь напряженно думал о Ковалевой. Заболела дочь! Внезапно. Ночью. Такое, конечно, возможно, но не после того, как мать «больной» получила в свои руки ценную информацию.

Задребезжал старый коммутатор. Высветился номер секретаря. Генерал нажал на клавишу, спросив:

– Что у тебя, Аня?

– Извините, Петр Константинович. Прибыл подполковник Владимиров, просит встречи с вами.

Оболенский коротко приказал:

– Пусть зайдет!

Вошел Владимиров:

– Разрешите, товарищ генерал?

– Входи! Присаживайся, докладывай!

Подполковник протер платком отчего-то вспотевший лоб. Вообще, Владимиров очень боялся Оболенского. И причину этой боязни не находил. Вроде начальник как начальник. Видный собой, солидный, как и положено генералу. Но стоило Владимирову узнать, что тот вызывает его, сердце подполковника начинало учащенно биться. Было во взгляде Оболенского нечто такое, что порождало страх. По крайней мере, у Владимирова.

Вздохнув, подполковник проговорил:

– Я проверил главный компьютер, как вы и приказывали.

Оболенский уточнил:

– Просил, Игорь Алексеевич, а не приказывал. Это разные вещи.

– Да, да, конечно, извините.

Владимиров преданно взглянул в глаза начальника:

– Вы, товарищ генерал, как всегда проявили высшей степени прозорливость. Мне остается только удивляться вашим феноменальным способностям...

Генерал оборвал его:

– Так имело место несанкционированное проникновение в базу данных нашего компьютера?

– Так точно. Прошедшей ночью, точнее с 1.58 до 2.10. Нашими секретами интересовались коллеги из МВД!

– И что они смотрели?

– Не только смотрели, но и копировали! Информацию, связанную с главными лицами террористических группировок, действующих на территории России.

– Хакерам из МВД удалось скачать эту информацию?

– Да. По крайней мере, препятствий для этого у них не было.

Оболенский откинулся на спинку кресла:

– Скажи мне, Игорь Алексеевич, как ментам удалось сломать все наши коды, шифры, пароли? Что, это так просто?

– Нет, товарищ генерал. Я уверен, без помощи кого-то из сотрудников офиса, а точнее, сотрудников подчиненного мне информационно-аналитического отдела дело не обошлось.

Генерал прищурил глаза:

– А может, это ты, подполковник, решил подработать, начав двойную игру?

Владимиров побледнел, руки его непроизвольно задрожали, он тихо проговорил:

– Что вы, Петр Константинович... Да разве я...

– Ладно, ладно, признаю, неудачная шутка! Надо сменить все пароли и прочую дребедень, блокирующую вход в главный компьютер со стороны. Подумай, как это сделать. И если еще хоть один раз произойдет подобное, ты у меня пойдешь под трибунал как сообщник или пособник террористов. Мне плевать, что ты придумаешь, хоть ставь раскладушку в отделе и круглосуточно следи за аппаратурой, но чтобы больше никакой утечки. Тебе ясно?

После ухода подполковника Оболенский, заказав еще кофе и закулив сигарету, в который уже раз за последние сутки крепко задумался. И так, эта тварь Ковалева скачала информацию по Батыру и сейчас у нее на руках и фотография, сделанная в кафе, и досье бандита. Это очень опасный компромат. Она не вышла на работу. Сидит дома. Вместе с дочерью. Это хорошо! А в гостинице отдыхает ее бывший муж, Артем Львович! Это тоже хорошо! Такой расклад сам по себе подсказывал решение, которое следовало принять по Ковалевой. Решение жесткое, но диктуемое крайней необходимостью. И Оболенский принял его, тут же вызвав по специальной связи капитана Григоряна:

– Армен?

– Я, шеф.

– Ты еще не начал работу?

– Начал. Разговор с бельгийцем состоялся. Сейчас ждем его появления.

– Слушай, Армен, обстановка изменилась. Слушай внимательно, что ты должен сделать вместе со своими людьми, исключая Федину, которую немедленно отправить в офис.

– Слушаюсь, Петр Константинович!

Внезапный телефонный звонок разбудил бывшего мужа Анастасии господина Ковалева. Он приподнялся на постели, сняв трубку с декоративного, выполненного под старину аппарата:

– Да!

И тут же услышал истеричный голос Насти:

– Артем, господи, наконец-то, почему молчит твой мобильный? Беда, Артем, с Леной беда! Господи!

– Что произошло, Настя?

– Артем, приезжай немедленно ко мне домой! Прошу, как можно быстрее. Я не знаю, что мне делать!

– И все же, что произошло?

– Подробности дома! Поторопись! Я послала за тобой машину соседа. Это серебристый «Ниссан»... Жду!

Связь отключилась. Артем Львович посмотрел на трубку, затем положил ее и начал быстро одеваться, ломая голову над тем, что же, в конце концов, могло случиться с Леной? Впопыхах он не подумал о том, почему Настя сказала, что его сотовый не отвечает на вызовы? Мобильник лежал на журнальном столике включенный и не мог не принять вызов. Он вообще ни о чем не думал, мысли о Лене и беде, которая вдруг постигла дочь, заглушили все чувства. В том числе инстинкт самосохранения и предчувствие близкой опасности. Тем более Ковалев не

мог предположить, что звонила ему совсем не Настя, а прапорщик спецслужбы Федина. Одев-шись и захлопнув дверь номера, Ковалев бегом сбежал по лестнице в фойе. Бросил дежурному ключ, выскочил на улицу. Оглядел стоянку, ища серебристый «Ниссан». И увидел его, стояв-ший метрах в двадцати от лестницы во втором ряду. Рядом с иномаркой стоял стройный муж-чина спортивного телосложения с едва отличимыми признаками принадлежности его к одной из южных народностей. Лицо его было хмуро и сосредоточенно. Видимо, с Леной произошло что-то весьма серьезное, если даже сосед Насти выглядел таким взволнованным.

Ковалев подошел:

- Здравствуйте, вы от Анастасии Павловны?
- А вы Артем Львович?
- Да. Может быть, вы объясните, наконец, что произошло?
- Садитесь в машину!

Бывший муж Анастасии открыл дверцу заднего сиденья, влез в салон и очутился рядом с еще одним неизвестным мужчиной. Первый поспешил успокоить бельгийца:

- Меня зовут Армен, вашего соседа Степан. Мы друзья Насти.
- Вы так и не сказали, что произошло?
- Анастасия Павловна просила лишь быстрее доставить вас к ней, а о своей проблеме, видимо, предпочитает сообщить вам сама. Но дело, как я понял, весьма серьезное. Это все, что я пока могу вам сказать, Артем Львович.

Григорян повел «Ниссан» по Садовому кольцу.

Остановился «Ниссан» возле кинотеатра.

Ковалев удивился:

- Почему встали? Ведь нас же Настя ждет?

Григорян повернулся:

- Ждет, и мы пойдем к ней! Но сначала поговорим.

Ковалев дернулся:

- Что все это значит?

В бок ему уперся ствол пистолета Лопырева. Бывший муж Насти вздрогнул. Его сковал страх.

Григорян продолжал:

– Уважаемый Артем Львович, ничего с вашей дочерью не произошло, она в порядке. А вот мать ее, Анастасия Павловна, совершила большую ошибку. Дело в том, что она, являясь любовницей одного крупного бизнесмена, банально выкрала у него папку с документами, за которую требует деньги. В общем, шантажирует весьма приличного и достойного человека. Уж не знаю, что это нашло на Настю. Вроде у них все было в порядке. Но она вдруг решила на такой, мягко говоря, подлый шаг. Бизнесмен, которого она шантажирует, человек добрый и зла никому не желает. Документы, что находятся в папке, для конкурентов никакой ценности не представляют, так что шантаж не имеет смысла. И Настю готовы простить и забыть о ней, если она вернет похищенные бумаги, которые хранит дома. Короче, Артем Львович, мы должны встретиться с вашей бывшей женой и уговорить, я подчеркиваю это слово, уговорить ее вернуть документы. А от вас требуется самая малость. Анастасия Павловна сейчас находится в своей квартире и никому дверь не открывает, как не отвечает и на телефонные звонки. Возможно, она поняла, что совершила глупость, и боится. Вас же она должна впустить! Все же какой-никакой, а свой, родной человек, тем более тот, который может помочь выбраться ей из сложной ситуации. Мы войдем с вами. И вместе попросим вернуть папку! После чего уедем. Вы же можете остаться или уйти, как будет угодно!

Ковалев указал пальцем на пистолет, направленный к его боку:

- А... зачем это?

– Что? Оружие? А это, Артем Львович, не зачем, а почему! Потому, что мы намерены сегодня же вернуть документы нашего босса. Любыми средствами. Лучше – цивилизованно. В общем, не будем терять времени. Сейчас подъедем к дому вашей бывшей супруги, во двор не въезжая. До подъезда дойдем пешком. Поднимемся на тринадцатый этаж. Вы позвоните в квартиру № 76, хотя о чем это я, адрес Анастасии вам известен не хуже меня. А далее, господин Ковалев, скажете Анастасии Павловне буквально следующее: «Дорогая, открой, я попал в неприятную историю с милицией, мне нужно посоветоваться, что делать!» Не думаю, что госпожа Ковалева останется равнодушна к проблемам бывшего мужа, вы же не раздумывая откликнулись на зов о помощи?

Ковалев пожал плечами:

– Ну, не знаю. В моем случае, когда вы выманили меня из гостиницы, речь шла о дочери, здесь же совсем другой коленкор.

– Коленкор тот же. Главное, сказать свою фразу вы должны как можно естественней и жалобней. Можете от себя что-нибудь добавить. Нам надо, чтобы Анастасия Павловна открыла дверь. И вы должны обеспечить это!

Артем Львович спросил:

– А если мне не удастся сделать это?

Григорян укоризненно покачал головой:

– Вы так и не поняли? Вам не напрасно продемонстрировали оружие. Оно, да будет вам известно, иногда имеет свойство стрелять. Так что вы уж постарайтесь, Артем Львович. Вас же ждет благополучная Бельгия, доходный, спокойный бизнес. Если вы решили вернуть семью, то в сложившейся обстановке у вас появляются неплохие шансы на это. Думаю, Анастасия Павловна теперь уже не будет категорична в своем отказе вам.

Теперь подозрительно на незнакомцев посмотрел Ковалев:

– А откуда вам известно, что Настя отказала мне?

– Все же тяжело с вами. А какой еще вывод можно было сделать после того, как вы, встретившись, вместо того чтобы быть вместе, разбежались по разным местам?

Ковалев, слегка задумавшись, проговорил:

– Тогда еще один вопрос.

– Пожалуйста!

– Почему Настя, как вы утверждаете, украв у какого-то там бизнесмена ценные бумаги, вчера свободно разгуливала по городу и лишь с утра закрылась дома? Что-то не вяжется в вашей истории.

Григорян вновь вздохнул:

– Да, действительно, с вами очень тяжело общаться. А между тем ответ на ваш вопрос прост! Вчера вечером Анастасия Павловна и подумать не могла, что шантажиста вычислят, ведь она не напрямую требовала деньги, а пыталась действовать анонимно. Однако ее вычислили и утром сообщили, что боссу известно, кто является шантажистом. После чего она сразу прекратила разговор и закрылась в квартире. Видимо, не ожидала подобного развития событий. Вас удовлетворил ответ?

– Удовлетворил. Но договоримся, в квартиру я войду один. Если она меня впустит, то я постараюсь убедить ее отдать документы. Сам же и папку вынесу.

Григорян нехорошо ухмыльнулся:

– Нет, Ковалев. Ни о чем мы не будем договариваться. Либо вы выполняете поставленную мной задачу, либо Бельгии своей вам больше не видать! Если вам не удастся уговорить бывшую супругу открыть дверь, мы предпримем силовую акцию, и вот тогда я никому и ничего не гарантирую. В смысле здоровья, а возможно, и жизни.

Он повысил голос:

– Мы не пацаны какие-нибудь, чтобы дешевая шлюха играла с нами в кошки-мышки, а ее муженек, пусть и бывший, пытался диктовать свои условия. Дело серьезное, и это ты, Ковалев, должен осознать в полной мере.

Он вновь спросил Ковалева:

– Ну и что, Артем Львович? Вы поможете нам?

– При условии, что ни Насте, ни тем более Лене вы не нанесете никакого вреда!

Капитан усмехнулся:

– Само собой, Артем Львович, мы же люди цивилизованные! Решим все по-хорошему и разойдемся.

– Хорошо. Я помогу вам.

В разговор вступил старший лейтенант Лопырев:

– А куда б ты делся, эмигрант?

Его резко оборвал Григорян:

– Заткнись! Значит так, выходим из машины и следуем к дому Ковалевой. Вы, Артем Львович, впереди, мы – сзади.

Анастасия в это время готовила обед. Самой есть не хотелось, но дочь должна питаться. Ковалева с кухни услышала протяжный звонок. Москвитин запретил ей кого-либо впускать в квартиру, и на это у майора были основания, но посмотреть, кто это пожаловал, следует, хотя бы для того, чтобы потом доложить о визитере тому же Андрею. Лена находилась у себя в комнате, пользуясь неожиданно подвернувшимся выходным, надев наушники, слушала своего любимого Юру Шатунова. Она и звонка не слышала. Настя подошла к дверям. Осторожно, без шума открыла внутреннюю, посмотрела в объемный «глазок» второй, закрытой на прочный засов металлической бронированной двери и крайне удивилась, увидев слегка искаженную полусферой «глазка» физиономию бывшего мужа. Этот-то чего приперся. Ведь все решено было вчера! Относительно их дальнейшей жизни. Она сказала Артему, что будущего у них нет и что он может уезжать. Правда, он вполне законно требовал встречи с дочерью. За этим, наверное, и пришел. Вот только выглядел он как-то растерян и... нервно. Ковалева, несмотря на строжайший запрет Москвитина, все же решила вступить в диалог с ним:

– Артем?

– Слава богу, Настя, ты дома, а я уж подумал, ушла на работу.

– Зачем ты пришел?

– У меня несчастье, Настя! Прошу, открой, я все тебе объясню.

– Что случилось?

– Послушай, я вчера тебя прекрасно понял и смирился со своей участью. В общем, ты права, я заслужил подобное к себе отношение. Но я не могу здесь на площадке кричать, привлекая ненужное внимание соседей. Неужели даже в прихожую ты не можешь меня впустить? На большее я не претендую.

Но Ковалева лишь повторила вопрос:

– Что случилось?

– Ну, хорошо, хорошо! Меня ограбили! Ночью я не мог оставаться в номере, вышел на улицу, прошелся немного. Навстречу двое. Удар – и я потерял сознание. Поднялся без документов и денег. А тут милиция. Забрали! Недавно выпустили, хорошо, что еще паспорт недалеко от места нападения нашли. Но у меня нет ни копейки, а до вылета в Бельгию целых пять дней. Кроме тебя, сейчас мне в Москве и обратиться-то не к кому!

Ковалева задумалась. То, что поведал ей бывший муж, было похоже на правду. И то, что он, растерянный, вполне мог не заснуть и решиться пройтись по улице, и то, что нарвался на грабителей, сейчас не редкость. И то, что милиция могла забрать Ковалева до выяснения личности, и то, что она же, эта самая милиция, осмотрев место происшествия, и паспорт нашла,

что никак не мешало ее сотрудникам до утра задержать ограбленного бельгийца. Нашего, своего сразу отпустили бы на все четыре стороны, с иностранцем же поступили иначе. Да, все, что говорил Ковалев, очень смахивало на правду. И с людьми Оболенского он никак не мог быть связан. Оставить его в коридоре? Или впустить? Дать несколько сот долларов, из тех, что собирала на домашний кинотеатр, чтобы хватило Артему перекантоваться эти пять дней до вылета в свой Гент? Решила впустить, нарушая все инструкции профессионального диверсанта-ликвидатора майора Андрея Москвитина.

И как только железная дверь слегка приоткрылась, неведомая мощная сила рванула ее на себя, выбрасывая в коридор саму Ковалеву. И тут же бывшие супруги, получив по удару, были втащены Григоряном и Лопыревым в прихожую.

Капитан отдал команду старшему лейтенанту:

– Быстро нейтрализуй дочь, оборви все телефонные провода и отключи мобильники, что найдешь в квартире.

Лопырев ринулся в квартиру. В зале никого не было, в спальне хозяйки тоже никого и, только войдя в комнату четырнадцатилетней Лены, оборотень увидел девочку, пританцовывающую в наушниках в такт неслышной Лопыреву музыки. Подойдя сзади, предатель без труда захватил жертву, лишив ее на время сознания. Обмякшее тело усадил в кресло у школьного стола, крепко привязал руки и ноги девочки к нему. Не забыв заклеить и рот. Вернулся в прихожую, где Григорян уже обработал обоих Ковалевых. Бывший муж и жена до сих пор оставались без сознания и лишённые малейшей возможности не только переместиться или закричать, но даже шевельнуться, застонав. Впрочем, стонать они смогут. Совсем скоро. Капитан приказал Лопыреву начать обыск, предупредив:

– Но «чисто», Степа! Аккуратно! И не забудь надеть перчатки. Пальцы, что уже оставил, убери сейчас же. Их мы поставим потом, где надо! Обыск по полной программе. Твои – комната дочери и спальня Ковалевой, мое – все остальное. Начни с лоджии, но гляди, чтобы тебя кто из соседей не засек.

Они начали поиск фотографии Оболенского и Астаминова с досье на последнего. И делали это профессионально. Все же офицеры спецслужбы.

В сознание пришли и Настя, и ее Артем и дочь Лена, а обыск ничего не дал. Люди Оболенского осмотрели, казалось бы, все, простучали паркет и потолочные плиты, стены и мебель, проверили туалет с ванной, кухню вместе со шкафами и баночками из-под различных продуктов. Вскрыли аппаратуру и бытовую технику, от видеоманитфона до холодильника с кондиционером. Документов нигде не нашли. Оставалось одно – работать с Ковалевой в жестком режиме, благо возможностей давления на женщину у Григоряна было предостаточно. Одна дочь чего стоила. Григорян усадил Настю в кресло у журнального столика, отклеил ленту, закрывающую рот, предупредив:

– Не советую вам, госпожа Ковалева, шум поднимать. Сидите спокойно и не дергайтесь, отвечая на мои вопросы, в противном случае мне придется применить силу.

Анастасия как-то спокойно спросила:

– А дальше что? Ведь Оболенский наверняка приказал убить всю семью, мной не ограничиться, тем более что все мои видели вас!

Григорян усмехнулся:

– Ну, зачем же так? Мы не убийцы. И если вы поступите благоразумно, ЧЕМУ станут свидетелями ваш бывший муж и дочь? Вторжения в дом сотрудников спецслужбы, в которой числитесь и вы? Но это внутреннее дело Службы. Так что, Анастасия Павловна, отдайте фотографию, которую вы сделали в кафе, с фотоаппаратом и копию досье на известную вам фигуру – и мы разойдемся. Мужа отправим в Бельгию, ну а вас оставим в покое.

Ковалева проговорила:

– Кому вы сказки рассказываете, Григорян? А то я не знаю, что означает «оставить в покое»! Покой на кладбище. Надежный и вечный.

– Короче, сучка! Прелюдия окончена. Где фотография и досье?

– Вам их не видать, как собственных ушей!

Он с размаху ударил женщину по лицу:

– Как ушей, говоришь, не видать? А вот это мы сейчас проверим. Лопырь, – крикнул Григорян, – а ну кати-ка сюда ее дочь!

И, нагнувшись к Ковалевой, капитан прошипел:

– Сейчас, тварь, ты заговоришь по-другому, клянусь памятью родителей, по-другому. Я жалеть малолетку не буду!

Настя вскрикнула:

– Что вы хотите делать?

– Что? Ты ничего не поняла? Проверить твои слова!

– Подожди, капитан, подожди! Хорошо, я все скажу. В кафе «Каприз» я действительно заметила Оболенского в компании подозрительного кавказца. Фотографию не сделала, не успела, на ходу не получилось, да и официант помешал, но физиономию собеседника генерала запомнила. По приезде домой я вскрыла базу данных главного компьютера и скачала оттуда информацию по главным фигурантам, целям нашей Службы. Но когда увидела досье так называемого Батыра и узнала, что это с ним встречался Оболенский, испугалась, поняв, какую угрозу для меня составляет эта информация. Я тут же уничтожила копию досье, порвала и смыла в туалет, решив сегодня на службу не выходить. Этим я хотела узнать, зафиксирован ли несанкционированный вход в главный компьютер. Думала, что все пройдет незамеченным, ведь сам генерал в кафе на меня даже не посмотрел, а тебя... вас... я не увидела. Так что, говоря, что ни фотографии, ни досье на бандита вам не видать, я подразумевала то, что у меня ничего этого просто нет. А за грубость извините.

Лопырев вкатил кресло на колесиках в зал.

Увидев связанную и крайне перепуганную дочь, Ковалева взмолилась:

– Поверьте мне, капитан! Я никому, никогда, ничего не скажу, да и что значат мои слова без документальных подтверждений?

Капитан, выслушав Ковалеву, недоверчиво посмотрел на нее и вышел из зала, пройдя на кухню. Оттуда вызвал Оболенского и доложил о результатах допроса Анастасии. Генерал думал недолго, спросив:

– Все это она говорила при виде дочери?

– Да!

– И что сам мыслишь?

– Мыслию, говорит правду. В ее положении быстро придумать столь складную версию сложно. А я на самом деле не могу утверждать, что она сделала снимок. Да и в хате мы ничего не нашли.

– Ручка-фотоаппарат обнаружена?

– Да! Кассета полная, использованных кадров нет. Но кассету можно было и заменить. Точные данные, делались ли с ручки ночью снимки, может дать только экспертиза.

Генерал проворчал:

– К черту экспертизу. Значит, в квартире ты ничего не нашел?

– Нет. Хотя искали мы с Лопырем, уверяю вас, тщательно.

Оболенский вновь ненадолго задумался:

– Что ж, может, Анастасия Павловна говорит правду. Только теперь ей от этого не легче. Мы не можем оставлять ей жизнь. То же – и в отношении бывшего мужа и дочери. Все это прискорбно, но иного выхода у нас нет.

Григорян спросил:

– Если нет иного варианта решения судьбы Ковалевых, может, попробовать еще надавить на дочь? Глядишь, что-то другое запоет наша Анастасия.

– Нет, Армен, только лишний шум поднимется. Хотя... разок попробуй. Но так, чтобы сильно ударило по нервам Ковалевой. Если будет продолжать упираться, время не тяни, кончай их. Так, как было обговорено ранее. И аккуратней! Особенно с милицией! Что сказать ментам, ты знаешь, не допусти ошибку. Я буду на связи, работай, Армен.

Капитан вернулся в зал.

Подошел к Ковалевой:

– Так, значит, никаких документов в квартире нет?

– Ни в квартире, ни где бы то ни было еще, кроме базы компьютера.

– А я не верю тебе.

Анастасия воскликнула:

– Но как мне доказать это? С ночи ни я, ни дочь из квартиры не выходили, наверняка ваши люди следили за нами. К нам также никто не приходил. Вы ничего не нашли! Ну, куда же тогда, по-вашему, я могла деть эти проклятые документы? Кому передать? И как использовать?

Капитан мрачно повторил:

– И все же я тебе не верю. Не убедила ты меня, Анастасия, может, после этого убедишь?

Григорян выхватил пистолет и выстрелил девочке под правую ключицу.

Затем вновь нагнулся к Анастасии и быстро заговорил:

– Ты видишь, я не шучу и играть с тобой не собираюсь, первая пуля не опасна для жизни твоего выродка, легкая операция – и все. Но вторую я пушу ей в лоб. Нет, лучше в глаз. Так она будет выглядеть более привлекательно. Как думаешь, Ковалева? Черная дыра вместо глаза, придется труп в закрытом гробу хоронить! Труп дочери, кровинушки твоей! Ну, быстро, где фотография и досье?

Ковалева выкрикнула в лицо оборотню:

– Нет у меня ничего, скотина! Нет! Ты понял? Да если б было, неужели я не отдала бы тебе этот мусор? Эту грязь? Нет у меня ничего!

Голос ее сорвался на истерику, пришлось Лопыреву заклеивать задержавшейся Ковалевой рот.

Бывший муж с ужасом, молча наблюдал за всем происходящим.

Капитан опустил пистолет, проговорив:

– Теперь верю. Но... поздно. Хотя... поздно было еще со вчерашней встречи в кафе.

Он подозвал к себе Лопырева.

– Убери девочку и освободи ее, но смотри за ней! Не дай бог, что учудит, типа в окно прыгнет. Ты у меня сразу за ней последуешь. А я тут займусь делом! Пора кончать этот затянувшийся спектакль!

Старший лейтенант вкатил кресло с раненой девочкой в ее комнату. Освободил от пут, толкнув на кровать и приказав:

– Лежи тихо.

Дочь Ковалевых затихла, закрыв глаза и плотно сжав губы.

Григорян подошел к Ковалеву, присел перед ним на корточки:

– Вы у нас, господин бельгиец, левша или правша?

Глядя на палача полными животного страха глазами, Ковалев проговорил:

– Правша.

Капитан приказал:

– А ну-ка сними печатку. Я вижу, она дорогая?

– Да, да, с бриллиантом! Но, возьмите, конечно! У меня еще деньги есть, правда, наличными немного, но я могу снять нужную сумму в любое время и в любом столичном банке!

Григорян потрепал Ковалева по щеке:

– Этого не понадобится, Артем Львович, я не вымогатель, не грабитель и даже не коммерсант, чтобы заключать какие-либо сделки.

Он натянул печатку Ковалева на тот же самый палец, на котором носил ее хозяин. Поднялся, подошел к женщине. Ножом отрезал путы, сорвал клейкую ленту со рта и без замаха нанес Ковалевой прямой удар в переносицу. Удар, от которого она тут же потеряла сознание.

Бывший муж забился в угол, закрыв руками голову.

Капитан усмехнулся. Какой послушный клиент. И ведь понимает наверняка, что живым отсюда не уйдет, и не пытается защищаться! Как жертвенный баран, ждет своей очереди. Дурак и трус! Но это и к лучшему. Капитан перебросил бесчувственное тело женщины на софу и начал методично избивать ее, нанося выверенные удары в лицо, в грудь, в живот. Дождавшись, пока она перестанет дергаться, приоткрыл веки. Ковалева была мертва. Теперь дочь! Он крикнул:

– Лопырев! Ко мне!

Как только в проеме межкомнатной двери показался сообщник, кивнул ему на Ковалева:

– Смотри за этой вонючкой!

Сам зашел в комнату, приказав девочке:

– Поднимайся!

Та встала, держась левой рукой за рану.

– А теперь бегом на лоджию и сидеть там как мышь. Поняла?

В глазах девочки вспыхнул проблеск надежды на спасение, она рванулась к балконной двери, но добежать не успела. Выстрел Григоряна пробил ей сердце со спины, бросив тело к батарее отопления.

Вышел в зал.

Приказал Лопыреву:

– Вперед на кухню, из холодильника достань водки и шампанского, там все это имеется, да закуски какой легкой. Заодно сними отпечатки пальцев с кухонной утвари! Не помешает.

Григорян присел перед дрожащим всем телом Ковалевым. Взял его руку, и натянул на место окровавленную печатку, проговорив:

– Ваш перстень, Артем Львович.

Тот заплаканными глазами посмотрел на убийцу, заикаясь, спросил:

– Меня... меня... вы тоже убьете?

– Ну что вы, господин Ковалев. Как можно? Вы, уважаемый, после того, как загубили собственную, пусть и бывшую, семью, сами застрелитесь!

Капитан приставил к правому виску ствол пистолета и нажал на спусковой крючок. Артем Львович так и остался сидеть в углу, заплаканный, с пробитым черепом, прислонившись к стене, по которой медленно стекало вниз его мозговое вещество. Григорян достал из бокового кармана молоточек и разбил им костяшки рук Ковалева. Так, будто он только что завершил драку. Или чье-то избиение. Помощник генерала знал, как убирать и создавать нужные для дела улики. Затем вложил в еще теплую руку Ковалева пистолет, вновь приставил к виску и бросил ее. Рука с пистолетом упала рядом с телом. Так, как она упала бы после выстрела самого Артема Львовича.

Капитан поднялся, прошелся по комнате, затем по спальне, оставляя как можно больше своих следов.

Появился Лопырев, доложив:

– У меня все готово, капитан.

Григорян, отчего-то развеселившись, широким жестом указал на журнальный столик:

– Так накрывай его, Степа, накрывай!

Вскоре столик был уставлен спиртным и закуской. Из стенки капитан достал пару фужеров, не забыв зажать их еще послушными ладонями трупов бывших супругов Ковалевых.

Разлил шампанское. Водку оставил нетронутой. Ковалевы не успели выпить ни грамма, как козел Артем Львович начал «скандал», приведший к таким печальным последствиям! Скотина! Осмотрев сервировку, Григорян неожиданно ударил по столику снизу ногой. Тот опрокинулся, разбросав бутылки, фужеры, ломтики лимона с сыром и все остальное по всему залу.

Капитан потер руки:

– Вот так, Степа! Кажется, мы сделали все, как надо. Отзвонюсь шефу и будем встречать ментов.

– Что, прямо сразу после разговора с генералом?

– Нет, Степушка. Придется как минимум часа два выждать, если соседи раньше нас не вызовут милицию.

Они разошлись, чтобы через десять минут спокойно слушать и смотреть обзор новостей.

Глава 3

Григорян доложил Оболенскому о выполнении задания. Генерал приказал выждать два часа, до 13.00, затем еще раз, но уже официально доложить ему о том, что они увидели в открытой квартире сотрудницы секретной спецслужбы. Далее ожидать прибытия милиции, но допустить оперативников и экспертов только для внешнего поверхностного осмотра квартиры, ссылаясь на приказ руководства, который будет обеспечен проинструктированным офицером ФСБ. Около 14.00 ждать прибытия самого Оболенского.

Майор Москвитин прибыл на службу, как обычно, к 8.00. В принципе, этого от специального агента не требовалось, но Андрей привык ежедневно являться в офис. Что ему было делать одному в своей холодной, пустой квартире? Лучше уж с людьми, в обществе. Он не показал и виду, что встречался ночью с Ковалевой, ни у кого о ней не поинтересовался, да и вообще, в информационно-аналитический отдел не заходил, устроившись перед своим компьютером в отведенной специально для него небольшой служебной комнатке. Был у него в кабинете, как громко именовалась комната № 14, и свой сейф, и шкаф, и вешалка для верхней одежды, и морозильная камера, и даже масляный обогреватель с напольным вентилятором, которые включались в зависимости от времени года и температуры за окном, закрытым от взгляда извне горизонтальными жалюзи. На столе стояли пепельница, графин с водой, вернее без нее, а только с полоской, указывающей, что некогда вода в этой стеклянной и старой емкости все же была, да пара стаканов. Эти хоть и не часто, но иногда все же использовались. Больше для того, чтобы выпить с кем-нибудь из бывших соратников, вернувшихся на время с войны. Со штабными офицерами Москвитин не пил. Вернее, с теми, кто никогда не принимал участия в боевых выходах. Принципиально. Поэтому и во всяких вечеринках, банкетиках, посвященных различным датам, которыми пестрит наш календарь, участия никогда не принимал. За что заслужил славу отшельника. Впрочем, ему по должности надлежало быть одиночкой. Но не пить и не гулять со всеми не означает не общаться ни с кем. Поэтому майор приезжал в офис ежедневно, когда находился на временном отстое. Один человек в управлении вызывал у Москвитина уважение и являлся для майора авторитетом. Дворник Анатолийч, или в прошлом первый командир самого первого отряда спецназа, только что созданного управлением КГБ по планированию и проведению специальных операций в Афганистане, полковник в отставке, кавалер множества боевых орденов и медалей Водолеев Михаил Анатольевич. Вот с кем Андрей мог не только выпить, но и поговорить по душам, совета спросить. Сегодня дворник, как и всегда по утрам, мел парадную аллею территории Управления Службы. Москвитин, увидев из своего окна отставного полковника, вышел во двор, поздоровался с живой легендой спецназа, который за все свои подвиги вынужден на пенсии метлой махать:

– Здравствуй, Анатолийч.

Не все в Службе могли обратиться к дворнику на «ты». Далеко не все. Этого не мог позволить себе даже Оболенский. А вот Андрею данное обращение было разрешено самим Водолеевым:

– Доброго здоровья, Андрюша. На службе?

– Угадал.

– И чего ты сюда ежедневно, как на смену, являешься? Сидел бы дома, когда надо, позвут. А с другой стороны, правильно делаешь. В курсе того, что вокруг происходит!

– Точно, Михаил Анатольевич. Я смотрю, что-то вид у тебя какой-то нехороший.

Полковник запаса заметил:

– У тебя, поверь, не лучше. Но у меня морда от вина опухла, ночью затосковал что-то, друзей вспомнил, открыл бутылочку портвейна, а вот у тебя что за причина?

- Совсем плохо выгляжу?
- Да не сказать чтобы совсем, но не такой, как обычно.
- Бессонница замучила.

Дворник улыбнулся:

- Понятно, дело оно молодое, холостяцкое.

Майор спросил:

- Похмелишься, Анатолич?
- А что, есть?
- Есть пузырь водки. Или ты только бормоту уважаешь?
- Мне без разницы. Раньше ничего, кроме коньяка, в рот не брал, сейчас времена другие.

И питье другое. Ну, пошли, что ли? Кинем на грудь твоей водочки. Не помешает.

Москвитин указал на метлу:

- А как с работой? Скоро Оболенский объявится.
- Плевать. Я твоего Оболенского еще капитаном знал, сам будучи уже полковником. Что он мне сделает? Не им я на должность пенсионную определен, не им и снят буду. А метлу мы в кусты бросим. Пусть до лучших времен полежит.

Майор с дворником прошли в здание центрального офиса секретной антитеррористической спецслужбы, работающей под контролем одного из главных управлений ФСБ России.

В кабинете № 14 закрылись.

Андрей достал из ящика рабочего стола бутылку «Особой», сорвал пробку, выставив емкость на журнальный столик, за которым и устроились боевые офицеры, молодой и пожилой. Майор и полковник. Действующий и отставник. Но это были люди, навсегда объединенные участием в боевых действиях. Москвитин разлил водку по стаканам. Водолеев достал из кармана куртки сверток. Развернул газету, на которой появилась нехитрая закуска – бутерброды с колбасой, салом, луком. Пара котлет и кусок курицы – дневной рацион дворника.

Выпили за здоровье. Закусили. Закурили. Последнее в офисе было запрещено, но... закурили. Андрей выставил пепельницу и, открыв окно, включил вентилятор для вытяжки дыма. Водолеев, затянувшись сигаретой, спросил:

- Командировка не намечается?

Майор пожал плечами:

- А кто знает? Сейчас нет, а к вечеру, глядишь, и образуется.

Бывший полковник согласился:

– Да, у нас так. И в нынешние времена, и прежде. Помню, в Афган забрасывали перед новым, 1980 годом. 20-го числа. Никто и подумать не мог, что Союз через неделю обрушится на южного соседа. Я тогда отрядом «Ворон» командовал, а Оболенский командиром группы был. Вот 19 декабря домой со службы вернулся, где-то около восьми вечера, а уже в десять вызов к начальству. И приказ: три часа на сборы, далее бортом в Ташкент. Оттуда на Баграм. И вглубь Пандшерского ущелья. Чтобы к пяти утра заблокировать его. Вот так!

Москвитин спросил:

- Для чего было блокировать ущелье за неделю до официального ввода войск?
- А хрен его знает. Об этом, Андрюша, наши высокие чины не доложили.
- Оболенский находился с вами?
- В отряде. А где ж ему было быть?
- И как он?
- В смысле?
- Ну, вояка?

Водолеев махнул рукой.

– Не орел. Так, середнячок. Его потом с группы сняли, определив обычным снайпером. А затем и вовсе из отряда убрали. Всплыл наш Петр Константинович после прихода к власти

Ельцина. КГБ громили, дробили на части, а он, вишь ты, генералом пристроился. Сначала в ФСК, потом ФСБ. Ну, а сейчас и спецслужбу получил. Как пробился? Не понимаю. Не иначе сильная рука вверх дернула. При его-то личных способностях и качествах, если по совести, и батальоном не командовать. Максимум, начальником штаба. А он вон куда запрыгнул. На спецслужбу. Да еще секретную, со своей боевой группировкой. Хотя чему удивляться, Андрюша? Ельцин звания генералов и адвокатам присваивал. Помнишь одного такого? Который потом на зону загремел? Творилось в начале девяностых не пойми что. Оно и сейчас ясности полной нет, а тогда? Тогда вообще мутняк был. Везде и во всем. Но ты слушать слушай, а наливать не забывай. Чего водке стынуть?

Майор налил только ветерану. Водолеев поднял на Москвитина удивленный взгляд:

– А себе чего?

– Мне хватит, Анатолич. Шеф приедет, вдруг вызовет.

– Ну да, конечно. Шеф он и есть шеф, хотя, Андрей, скажу тебе, что сам Петя, генерал твой, в выходные не прочь с проституткой в кабинете покувыркаться. И привозит куколку на собственном «мерине». Но это я тебе так, к слову. Знаю, не проболтаешься.

Москвитин усмехнулся:

– У Оболенского же супруга молодая?

На что дворник резонно заметил:

– Одно другому не мешает.

Андрей прислушался:

– А вот, кажется, и субъект обсуждения пожаловал.

За окном послышался звук останавливающегося импортного автомобиля.

Дворник выглянул на улицу:

– Точно. Прибыл. Ну, давай по третьей, и пошел я. Нарисуюсь перед начальством. А потом домой спать.

Водолеев выпил, закусил, указал на оставшийся бутерброд:

– Это тебе, перекусишь. Пошел я.

Андрей остановил дворника:

– погоди, Михаил Анатольевич. Ответь на вопрос. Оболенский по выходным сюда только с проституткой является или бывали случаи, что и гостей привозил?

Дворник посмотрел на Москвитина:

– А тебе это на что, Андрюша?

– Да так, спросил просто.

– Э, брат, не темни. У нас ничего просто не бывает! Колись, зачем тебе такая информация?

Андрей вздохнул, поднялся, приобнял Водолеева:

– Каждая информация, Анатолич, для чего-то нужна. Но о шефе действительно спросил просто так. Тем более не ты один видишь, с кем приезжает сюда развлекаться наш боевой генерал.

– А вот тут ты ошибаешься, майор. Охрана в караулке сидит, оперативный в дежурке. Они только тачку замечают при въезде, а я? Я птица свободная, где хочу, там и нахожусь. Я вижу многое. Другому не сказал бы, тебе скажу: бывали гости у Оболенского, но только без блядей, и всего пару раз. А вот что они делали на территории секретного объекта, не знаю. Об этом ты у генерала спроси.

Москвитин кивнул головой:

– Обязательно спрошу. Более того, потребую, чтобы изложил все в письменном виде.

Дворник рассмеялся:

– Потребуй, Андрюша, только меня заранее предупреди, обязательно приду посмотреть на реакцию Оболенского.

Водолеев вышел из комнаты и направился по коридору к выходу на внутренний двор. Все же при всей своей независимости и неприкосновенности, весьма, кстати, сомнительной, лишний раз в пьяном виде мозолить глаза начальству Анатолич не хотел. И правильно делал.

Майор, прибрав в кабинете и закрыв его, тоже вышел в коридор, но направился в сторону центрального входа, возле которого и остановился служебный автомобиль Оболенского. Москвитин вышел на ступени как раз в тот момент, когда оперативный дежурный докладывал генералу о прошедшей ночи, отметив при этом факт невыхода на службу капитана Ковалевой. Оболенский воспринял это сообщение спокойно. Повернувшись, генерал увидел Москвитина.

Майор поздоровался:

- Здравия желаю, товарищ генерал!
- Здравствуй, Андрей! Как дела?
- Нормально.
- К боевой работе готов?
- Как пионер, Петр Константинович.
- Молодец! Так и держать!

Утратив к майору интерес, генерал с оперативным дежурным начал обход территории. Подобную процедуру он проделывал ежедневно. К ним присоединялись начальники отделов и отделений, докладывая каждый о своем. И, по сути, спокойная прогулка заменяла утреннее совещание в кабинете. Москвитин, дождавшись, пока генерал с дежурным скроются за углом главного здания или штаба службы, достал сотовый телефон.

Набрал номер Ковалевой. Надо сообщить ей, что с утра на службе все спокойно, а то ведь волнуется Анастасия. Но никто не ответил. Хотя на его вызов Настя должна было среагировать. Посчитала, что с его телефона мог звонить кто-нибудь другой? Возможно. И разумно. Москвитин увидел возвращающегося в штаб оперативного дежурного капитана Бесова.

Остановил его на лестнице:

- Я слышал, Ковалева на службу не вышла?
- Да, дочка у нее заболела.
- Вот досада.
- А что такое?
- Да хотел ее попросить компьютер свой служебный посмотреть. Что-то глючить начал, а кроме нее, у нас никто в этих ящиках особо и не разбирается!

Капитан подсказал:

- А подполковник Владимиров?

Москвитин поднял указательный палец правой руки вверх:

- Вот. Точно. А слона-то, как в басне, я и не приметил. Ну, конечно же, Владимиров. Спасибо за подсказку, Леша.

Дежурный наклонился к Андрею:

- Только вам сейчас на глаза начальству лучше не показываться.

Майор изобразил удивление:

- Это еще почему?
- Запах водки от вас. Свежий. Как бы чего не того.
- Да? Духан, говоришь?
- Именно.
- Что ж, ты прав, придется отложить настройку аппаратуры, репутация дороже. Еще раз спасибо! Только сам тоже язык за зубами держи, договорились?
- За кого вы меня принимаете?

Капитан повернулся и поднялся к себе в помещение оперативного дежурного. Андрей проговорил вслед:

– За кого надо, за того и принимаю. Все вы тут в штабе ради повышения или сохранения должности готовы, как пауки, сожрать друг друга. Тоже мне спецы.

Москвитин прошел к себе.

А после обеда к нему заглянул начальник финансовой части. Старший лейтенант начал с ходу:

– Слышали, майор, что с Ковалевой произошло?

При упоминании Анастасии в груди Москвитина все похолодело:

– Что?

– Так убили ее. И дочь. Бывший муж, приехавший из Бельгии, завалил. А потом и сам застрелился. Вот дела, да?

Майор резко спросил:

– Откуда тебе известно?

– Так вся Служба уже знает. Владимирову надо было срочно связаться с ней, что-то у них там в компьютерах забарахлило. Она не ответила. Ну и послали людей отыскать ее. Они и обнаружили открытую дверь, а внутри побоище! Сейчас генерал туда выехал. Нет, я не представляю! Ну ладно жену за блядство там еще можно сгоряча завалить. Но ребенка собственного? И потом, на хрена ему, этому бельгийцу, было мочить семью и самому стреляться? Ведь жили же отдельно. Он бизнесмен, обеспечен. Не понимаю. Неужели ревность? И к кому? Нет, не понимаю.

Москвитин взорвался:

– Да что ты все заладил, не понимаю, не понимаю. Не понимаешь, иди понималку прочитай.

Старший лейтенант недоуменно взглянул на майора:

– А что вы на меня кричите? Я к вам, как к человеку, а вы?

Андрей потер виски.

– Извини. Нервы. Кого посылали на квартиру Ковалевой, не слышал?

Начфин был отходчив:

– Слышал. Капитана Григоряна и старшего лейтенанта Лопырева.

– Ясно. Жаль Ковалеву. Неплохая была женщина, в смысле специалист. Ладно, иди и не обижайся.

Как только за напарником захлопнулась дверь, майор, стиснув зубы, обхватил руками голову. Прокачали все же Настю. Просчитали. Оболенский понял, какую опасность несет в себе его подчиненная, и убрал Ковалеву. Убрал грамотно, ничего не скажешь, используя подставу бывшего муженька и разыграв кровавую семейную драму. Сука! Мало того, что из-за его предательства парни в горах гибнут, он и здесь, в столице, творит беспредел. И главное, никаких к нему претензий! Но так было до сего времени. Теперь ситуация изменится. Теперь о деятельности шефа знает он, майор-диверсант Москвитин. А Москвитин не Ковалева! Но как же глупо погибла Настя. Подставив одним неосторожным поступком и себя, и дочь, и бывшего мужа. Черт, надо было просчитать возможность такого развития событий и еще ночью убрать Ковалеву с дочерью из дома. Тогда и мужа ее не тронули бы! Надо было имитировать ее побег, спрятав где-нибудь за пределами города. Хотя бы на даче полковника Карцева, ключи от которой у майора имелись. Командир отряда оставил их ему перед вылетом «Гарпуна» на Кавказ. Надо было! Да надо было! Еще много чего можно было предпринять во спасение Ковалевых, но кто знал, что Оболенский так молниеносно и безжалостно решит нанести свой удар.

Андрей чувствовал себя виноватым. Женщина обратилась к нему, профессионалу, за помощью, а он?.. А он не помог ей.

Москвитин вновь достал початую бутылку водки. Из горла допил остатки. Закурил. Так, Настю с дочерью уже не вернешь – и нечего распускать слюни. Сейчас надо прокачать возможные дальнейшие действия генерала. Нужных документов в квартире Ковалевых не найдут.

Значит, что? Значит, Оболенский начнет просчитывать, кому и когда она успела передать компромат. То, что это кто-то из Службы, сомнений у генерала не вызовет. Следовательно, его подонки-помощники начнут копать в офисе, а возможно, и вне Управления! Фотография и копия досье лежат в боковом кармане куртки Андрея. Обыскивать его не станут. А вот хату посмотреть могут, и наверняка посмотрят. И не только Москвитина. Но это при условии, что Анастасия перед смертью не раскрыла палачам имя человека, которому передала компромат на генерала. А она могла раскрыть, во имя спасения дочери, либо под изощренной пыткой, или в результате применения специальных медицинских препаратов. Тогда Оболенскому уже известно, кто владеет опасными для него документами. Будем исходить из этого. Пойти на нейтрализацию майора генерал не решится. Он понимает, что Москвитин сумеет отбить попытку ликвидации и выйти на заказчика. А вот тогда ему уже труба! Что же предпримет генерал? Во-первых, установит слежку за ним. Во-вторых, почистит его хату. И после этого предпримет то, чего пока майор просчитать не в состоянии. А значит, какое-то время майору придется находиться в состоянии осады. И под прессингом постоянной смертельной угрозы. Но все это в том случае, если Оболенский получит подтверждение передачи документов Москвитину, что пока еще тоже под сомнением.

В общем, по любому следует надежно спрятать фото и досье на Астаминова и ждать. Ждать, как будут развиваться события. Ничего другого пока не остается. Ладно, помянем Настю с Леной. Помянем невинные жертвы и подождем для начала появления генерала. Оболенский по возвращении с места преступления не преминет собрать общее совещание. Послушаем, что он скажет. Заодно и посмотрим на него.

Генерал Оболенский прибыл на квартиру Ковалевой в 14.10. Там уже находилась оперативная бригада местного отделения милиции, представитель прокуратуры и офицер следственного управления Федеральной службы безопасности. Ну и, естественно, капитан Григорян со старшим лейтенантом Лопыревым.

Генерал поздоровался с представителями других ведомств. Отвел в сторону майора ФСБ, спросив:

- Ваша фамилия Хомутов?
- Так точно, товарищ генерал! Майор Хомутов Дмитрий Геннадьевич.
- Вы получили информацию об этой трагедии?
- Так точно!

– Это хорошо! Хотя, что может быть хорошего, когда совершается такое жестокое, ничем не оправданное убийство! Да, жаль женщину с ребенком. Но нам сейчас должно быть не до сантиментов. Я думаю, что версия, кстати, на данный момент единственная и весьма правдоподобная – убийство подданным Бельгии господином Ковалевым членов своей бывшей семьи – вполне устроит и нас, и правоохранительные органы.

Хомутов кивнул:

– Я в курсе, Петр Константинович. И с представителями милиции и прокуратуры обсуждал эту тему. Они готовы принять данную версию. Дело за посольством Бельгии. Но и там вопрос будет решен отдельно и положительно.

– Добро. Вы неплохо справились со своей работой. Да и руководство не пошлет на такое дело кого-либо. Лишь самого компетентного человека. Вам остается проконтролировать завершение осмотра места преступления, доставку трупов в морг, возбуждения, оформления и закрытия уголовного дела по данному случаю. То, что Ковалева являлась офицером спецслужбы, понятно, нигде не должно быть отражено.

- Мне все ясно, товарищ генерал!
- Работайте, майор! Своих людей я отсюда забираю.

Оболенский, извинившись перед милиционерами и прокурором, приказал Григоряну и Лопыреву покинуть квартиру Ковалевой. Подчиненные генерала последовали за начальником, который двинулся по лестнице вниз.

Отъехав от дома, он приказал водителю остановить «Мерседес». Повернулся к убийцам:

– А теперь все по порядку. С самого начала и до самого конца. Не упуская ни единой мелочи. Я слушаю.

Григорян подробно доложил о том, что и как они с Лопыревым делали.

Оболенский слушал внимательно, не пропуская ни слова, он безразлично отнесся к убийству, оно не интересовало генерала. Выслушав убийцу, руководитель спецслужбы спросил:

– Так, значит, Ковалева утверждала, что уничтожила компрометирующие материалы?

– Так точно, Петр Константинович!

– В унитаз спустила?

– По ее словам, так.

– Лично ты ей поверил?

Григорян пожал плечами:

– Как сказать? Вроде врать, когда под угрозой жизнь дочери, смысла нет!

Генерал спросил:

– А признаваться смысл есть? Наша дражайшая Анастасия Павловна прекрасно понимала, что в любом случае ни ей, ни дочери, ни мужу бывшему, о судьбе которого она, возможно, и не думала, после допроса не жить. А если не жить, то зачем давать убийцам то, что они так хотят получить?

– Но мы ничего не нашли в квартире, Петр Константинович, а искать, как вы знаете, умеем. Только...

Оболенский бросил быстрый взгляд на капитана:

– Что?

– Да пальчиков на кухне оказалось много. Больше, чем их могли оставить Ковалевы.

– И ты только сейчас говоришь мне об этом?

– Мы сняли отпечатки, сканировали, отправили на идентификацию на главный компьютер. Результат еще не поступил. Думал, рано об этом докладывать. Пальчики ведь могут принадлежать кому угодно. И какой-нибудь подруге, и неизвестному нам любовнику, и, наконец, просто соседке. Тем более что сняли мы их на кухне.

Оболенский приказал:

– А ну, поторопи лабораторию!

Григорян предложил:

– Может, это лучше сделать вам? Вас эксперты послушают, меня же могут и проигнорировать.

– Нет! Нечего мне лезть в ваши дела. А ты звони.

Капитан достал сотовый телефон, нажал клавишу вызова занесенного в память мобильного номера лаборатории Службы:

– Алло? Лаборатория? Виктор, ты?

Генерал слышал разговор, громкость, установленная на аппарате, позволяла делать это без труда.

– Я, Армен!

– Ну что там с отпечатками, что я послал тебе?

– Интересные отпечатки. Приедешь, посмотришь.

– Ты заключение отшлепал?

– Сделал все, как ты сказал.

– Так какого черта мне на «мыло» не сбрасываешь?

Руководитель лаборатории майор Виктор Шлага проговорил:

– Так я думал, вернешься и заберешь бумаги.

Григорян раздраженно выдохнул воздух:

– Витя! Немедленно результаты мне. Вопросы?

Тут и Шлага проявил гонор:

– А чего ты разорался? Ты кто для меня есть-то? Подумаешь, «шишка» араратская! Ты место свое знай! Маловат для того, чтобы приказывать!

Генерал не хотел вступать в разговор подчиненных, но пришлось. Он вырвал сотовый телефон у побагровевшего армянина:

– А я, майор, для тебя не маловат?

Руководитель лаборатории удивился:

– Это вы, товарищ генерал?

– Я, я, Шлага! Немедленно результаты на ноутбук Григоряна. И о проведенной экспертизе никому ни слова. Надеюсь, ты лично ее проводил?

– Да, конечно, лично. Я все понял, высылаю заключение.

Вскоре на мониторе высветилось сообщение, заставившее Оболенского удивленно посмотреть на сообщников-подчиненных. В нем значилось, что отпечатки пальцев, обнаруженные Григоряном на кухне Ковалевой, принадлежат самой покойной, ее дочери и... майору Москвитину.

Генерал выдохнул:

– Та-ак!

И уставился на капитана, тихо спросив:

– Значит, прошедшей ночью никто не навещал Ковалеву?

Григорян развел руки, насколько это позволила ширина салона автомобиля и сидящий рядом старший лейтенант Лопырев:

– Нет, не навещал. Мои ребята глаз с нее не сводили.

– Так откуда там пальчики Москвитина взялись?

Наконец решил вставить слово Лопырев:

– Но, Петр Константинович, Москвитин мог бывать у Ковалевой и раньше. И вообще, трахать ее. А что? Он одинок, она тоже. Девку-дочку спать, а сами того.

– И никто в Службе об их отношениях не знал?

– Может, и знал кто, но не распространялся.

Генерал отвернулся к лобовому стеклу:

– Может, и так. Эх, надо бы сначала всю техническую работу выполнить, а потом браться за Ковалевых. Тогда и про пальчики у Анастасии можно было спросить! Почему не поступили так?

Григорян проговорил:

– Но кто же знал, что там могут оказаться отпечатки Москвитина? Лично я даже не предполагал такое.

Оболенский передразнил капитана:

– Лично, лично. Лично ты можешь только мочить клиентов. И то делать это по указке. На инициативу извилин не хватает.

Капитан посчитал, что злить генерала не стоит, и молча выслушал обидные слова.

Генерал же, выкурив сигарету, вновь повернулся к подчиненным:

– Ладно. Нечего каяться, все равно ничего уже не изменить. Главное, Москвитин был на квартире Ковалевой. Когда? Вопрос. Не исключено, что и прошедшей ночью. Да, да, что смотришь так на меня, Григорян, – генерал пресек попытку капитана в очередной раз оправдаться, – профессионалу такого уровня, как Моски, ничего не стоило провести вокруг пальца тех сопляков, что ты выставил в качестве наблюдателей во дворе. А раз такой вариант не исключен, то и будем исходить из того, что Анастасия передала документы Москвитину.

Григорян пробормотал:

– Не совсем хороший вариант.

Генерал уточнил:

– Очень хреновый вариант. Компромат в руках Москита – это серьезно. А если Ковалева еще в подробностях описала и мою встречу с Батыром в кафе, то и подавно. О том, что видели на месте преступления, никому ни слова. Эта информация закрыта мной.

По приезде в офис генерал собрал экстренное совещание офицеров Службы, на котором довел до всех присутствующих факт гибели капитана Ковалевой. Говорил он скорбным голосом, показывая всем своим видом, как переживает случившееся. Закончил речь словами:

– Вот так в жизни бывает. Кто-то гибнет от пули врага, а кто-то становится жертвой необузданной ревности или других бытовых обстоятельств, как в случае с нашей Анастасией Павловной. Подонки, бывший муж, в порыве ярости убил не только ту, которая когда-то была его женой, он не пощадил даже собственную дочь. Ребенка не пощадил!

Сделав паузу, генерал добавил:

– Убийца ушел от правосудия, покончив с собой там же, рядом с жертвами. Видимо, на какое-то мгновение разум его прояснился, и в ужасе от содеянного господин Ковалев застрелился. Сейчас правоохранительные органы работают на месте преступления. Но и им картина ясна. Службу поставят в известность о результатах следствия, хотя новое вряд ли сообщат. А нам остается проводить в последний путь боевого товарища.

Оболенский повернулся к сидящему по соседству заместителю, полковнику Жирнову:

– Вас, Анатолий Александрович, я попрошу заняться организацией похорон Анастасии Павловны и ее дочери. Приготовьте помещение, где можно было бы установить гробы. Я думаю, все должны иметь возможность проститься с погибшими.

На этом генерал объявил совещание закрытым и призвал всех сотрудников продолжить выполнение ими служебных обязанностей. Офицеры покинули штаб. Москвитин вернулся в свою комнату, Оболенский прошел в служебный кабинет. Он выпил коньяку, сел в кресло, закурил и задумавшись. Оболенскому не давал покоя Москвитин.

Приняв за основу наихудший вариант развития событий, а именно тот, при котором Ковалева все же передала компрометирующие Оболенского материалы майору Москвитину, от других вариантов генерал отказался, решив действовать наверняка. Пусть с перестраховкой, но уже наверняка! Оболенский понимал, что майор ни на секунду не усомнится в том, что Ковалеву убил не ее бывший муж. Он без труда просчитает, что капитана убрали из-за документов по приказу самого Оболенского. Что он предпримет в ответ, имея на руках убийный материал, способный доставить начальнику практически непреодолимые, даже с его связями, проблемы? Понесет документы в ФСБ? Вряд ли, велика вероятность, что они попадут к куратору. А майор не может быть уверен в том, что Большаков не в курсе темных дел руководителя спецслужбы! Тот не в курсе, но знать-то этого Москвитин не может. А действовать на авось не будет, так как привык работать основательно, расчетливо, ясно определив цель и конкретные пути ее достижения.

Следовательно, в ФСБ майор не пойдет. По крайней мере сейчас. Выше, во властные структуры хода ему нет. Значит, начнет искать человека, который поможет ему доставить бумаги туда, откуда их Оболенский достать не сможет. На это нужно время. Оно у Москвитина есть! Вернее, есть, пока он находится здесь, в Москве. Где он может их хранить? Дома? Сомнительно! В служебном кабинете? Глупость. При себе? Еще большая глупость! Хотя... передать их Москвитину некому. Из сотрудников Службы. А на сторону? Чревато! Он знает, что если попал под подозрение, то за ним будет установлено наблюдение. До смерти Ковалевой причин прятать компромат у него не было. А после того, как он узнал о гибели Анастасии, территорию офиса не покидал. И покинет уже с прицепом на «хвосте». Все это Моски-т прекрасно понимает. Значит, документы сейчас все же либо при нем, либо у него дома, но

в тайнике! Нет, квартира отпадает! Скорее всего компромат при нем! В настоящий момент при нем! Но ничего для проверки этого генерал сделать не может. Москвитин не Ковалева и не любой другой сотрудник центрального офиса. Он специальный агент. Диверсант! Его не обыщешь. Это Владимиров или даже Жирнов по первому требованию Оболенского разделись бы до трусов. Майор не позволит прикоснуться к себе. Правда, с оговоркой, живым не позволит. А убирать его нельзя! Во-первых, смерть второго сотрудника Службы, да еще секретного агента, и почти одновременно с Ковалевой, сразу породит массу вопросов у куратора, на которые Оболенскому ответить будет трудно. На бытовуху ликвидацию Москвитина не скинешь, а следовательно, Большаков почувствует неладное и начнет крутить Службу. И закончиться этот крутеж может плохо.

Вот черт. Задала сучка Ковалева задачку. Создала проблему. Хотя, если быть объективным, винить во всем Оболенскому следовало только себя. Это он потерял нюх, расслабился и назначил встречу с Астаминовым в обычном московском кафе. Ведь мог же вывести Батыра за город? Мог. И никто ничего не узнал бы. Почему не вывез? Да все потому. Расслабился. А в его работе, особенно теневой, расслабление смерти подобно, в чем сейчас он имеет полную возможность убедиться.

Оболенский вызвал оперативного дежурного и велел подать машину.

Генерал затушил окурок в пепельнице, извлек из сейфа спутниковый телефон, положив его в кейс, налил еще рюмку коньяка, поднял ее:

– Да поможет мне Бог!

Выпил. Вышел на улицу. Сел в «Мерседес», приказав водителю:

– На набережную, Женя.

Прапорщик Хомяков плавно вывел иномарку с территории центрального офиса. Через полчаса остановился на площадке у одной из многочисленных пристаней на Москве-реке. Генерал, покинув салон, прошелся вдоль высокого гранитного парапета, глядя на воду.

Остановился. Достал из кейса телефон, включил его.

– Джура!

– О! Господин Оболенский? Какими судьбами? Хотя догадываюсь, Батыр доложил мне о небольших проблемах, возникших у вас в Москве.

Генерал невесело усмехнулся:

– Если бы небольших. Да, началось все с мелочи, но затем эти мелочи начали разрастаться с большой ком.

– Тебе нужен мой совет или помощь, Петр Константинович?

– И то, и другое, Адам.

– Весь во внимании.

Генерал огляделся, вокруг не было никого, только машины четырьмя плотными рядами продвигались вдоль набережной. Оболенский проговорил:

– Наша встреча с Батыром в Москве зафиксирована.

Адам Дахашев, он же Джура, спокойно произнес:

– Я это знаю. И что?

– Как что? Мало того, что нас сфотографировала моя сотрудница, оказавшаяся в кафе случайно, так она еще идентифицировала через компьютер Батыра и моего собеседника, вытащив из базы данных Службы его досье! Эти документы она передала кому-то. Скорее всего хорошо тебе знакомому майору Москвитину. Ты понимаешь, что это значит?

Голос Джуры звучал неестественно спокойно, даже как-то безразлично:

– Понимаю. Ровным счетом ничего не значит.

Генерал не смог скрыть нервного изумления:

– Что? Ничего не значит?

– Конечно. Дело в том, дорогой Петр Константинович, что у Батыра есть брат-близнец. Так вот Хасан Астаминов, в отличие от Ахмеда Батыра, вполне законопослушный и преданный властям Чечни чиновник в новой администрации. Братья как две капли воды похожи друг на друга и официально являются непримиримыми врагами, что не соответствует, естественно, действительности! Хасан, как и Ахмед, работает на меня. Так что пусть хоть куда попадают фотографии, досье или еще что-то, связанное с вашей встречей в Москве. Ты принимал не Ахмеда, а Хасана, о чем тот будет предупрежден немедленно. Кстати! По моим данным, он сегодня как раз и возвращается из столицы, куда ездил по делам своего начальства.

Оболенский, выслушав Дахашева, почувствовал: у него закружилась голова и ослабли ноги.

– Почему же ты, Джура, не оповестил меня об этом раньше?

– Да о братьях Астаминовых вся Чечня знает. О них наверняка в курсе и командир твоего отряда. Так что я посчитал, что и ты обладаешь этой информацией. А что это с твоим голосом? Ты что-то сделал не так?

Генерал готов был обложить своего компаньона русским многоэтажным матом:

– Сделал ли я что? Да, сделал! Не зная ни хрена о каком-то задроченном Хасане, убрал сотрудницу, что засекла нас в кафе с Батыром!

– Ну и что? Уверен, ликвидацию ты провел умно, отведя от себя всякие подозрения. Чего ты нервничаешь?

– А то, что, если Москвитин обладает документами, то он в туфту, что я общался в Москве с братом Батыра, не поверит! И начнет копать! К этому его подстегнет еще и тот факт, что вместе с сотрудницей мне пришлось уничтожить и всю ее семью, включая малолетнюю дочь! А если Москист начнет копать, то чего-нибудь раскопает точно. А у нас крупная сделка на носу. Вот почему я нервничаю и кляню тебя за то, что ты не соизволил хотя бы продублировать известную, как ты говоришь всем, кроме руководителя антитеррористической спецслужбы, информацию по брату Батыра. Сделай ты это, все сейчас было бы по-иному.

Дахашев остановил речь Оболенского:

– Подожди, подожди, генерал. Ты, вместо того чтобы вешать на меня всех собак, себе задал бы вопрос, почему ничего не знаешь о Хасане. Ты вот о чем подумай. Хотя... об этом думать уже не стоит. Успокойся и продолжай работать в прежнем режиме.

– Мне этого теперь не даст Москвитин.

– Так реши и с ним вопрос.

– Я, Джура, в отличие от тебя, не в Чечне, а в Москве. Это ты можешь приказать забавы ради отрезать башку какому-нибудь провинившемуся своему абреку. А я не могу тронуть майора здесь. При всем своем желании. А убрать его необходимо.

Джура вздохнул:

– Что-то я перестал понимать тебя, Петр Константинович. Тебе надо завалить майора, а сделать этого ты не можешь? Что, людишки стоящие перевелись, чтобы заказ выполнить?

– Не перевелись. Я говорю о том, что второй труп, а тем более труп секретного агента, на фоне убийства сотрудницы Службы немедленно вызовет реакцию моего куратора. А он мужик дотошный и возможностями обладает, с моими не сравнимыми. Он обязательно начнет расследование гибели Москита, тем самым парализует мою деятельность, ну и как следствие – окончательный этап подготовки нашей сделки с оружием. Так что не все просто, как это кажется со стороны. Особенно с вершин Кавказских гор.

Руководитель чеченской террористической группировки коротко спросил:

– Что предлагаешь?

Оболенский ответил так же коротко:

– Убрать Москита в Чечне.

– Каким образом? У тебя есть план?

– Есть.

– Выкладывай его!

– Он прост. Необходимо организовать акцию твоими силами, в ходе которой и завалить диверсанта.

Дахашев ненадолго задумался, затем ответил:

– Неплохо. Кажется, твой Москист в этом случае может оказать и мне неплохую услугу, тогда тебе его и убирать не придется! Сам потом сдохнет!

– Ты это о чем?

– Об одном дельце, которое дестабилизирует обстановку в регионе похлеще любой нашей удачной операции. А смысл его в следующем...

Руководитель спецслужбы слушал Джуру еще минут десять. После чего спросил:

– А ты уверен, что все пройдет по твоему сценарию?

– Уверен. При условии, если и ты как надо сыграешь свою роль.

– Ладно. Кончаем разговор, и так зависли в эфире.

– Конец связи, генерал, и не суетись, все будет о'кей.

– Хотелось бы. Конец связи.

Глава 4

Москвитин покинул центральный офис Службы раньше обычного. Он направился в сторону своего дома, внимательно следя, не прицепил ли Оболенский к нему «хвост». Такого не заметил. Или вели его профессионально, или слежки не было. И все же ему следует перестраховаться. Подъехав к дому и оставив автомобиль на площадке возле мусорных контейнеров, Андрей вошел в свой подъезд, готовый в любой момент отразить нападение. В такой готовности он постоянно входил в дом. Как говорится, береженого бог бережет. Подъезд оказался пуст, по крайней мере первые два его этажа. Москвитин не стал подниматься наверх, а несколько раз условным сигналом позвонил в дверь справа. Из-за нее через какое-то время раздался хриплый голос:

- Кто там?
- Свои, Слава, открывай.
- Андрюха, ты?
- Я, я, открывай.

Дверь отворилась. Майор, посторонив мужика в спортивных брюках и непонятного цвета майке, вошел в прихожую, захлопнув дверь. Эта квартира принадлежала Вячеславу Павлову. Когда-то Вячеслав, окончив воздушно-десантное училище, командовал отдельной разведывательной ротой десантно-штурмовой бригады в Афганистане. Это было в конце восьмидесятых. Затем, после вывода 40-й армии из-за «речки», кавалера двух боевых орденов отправили все тем же ротным в учебную дивизию Краснознаменного Туркменского военного округа. Служба в мирных условиях не пошла. Частые пьянки и конфликты с политорганами привели к тому, что капитана Павлова вышвырнули из армии. Он вернулся в Москву, к родителям. Жена от него ушла, а мать с отцом в один год отправились на кладбище. Остался Вячеслав один на всем белом свете. Запил по-черному! Потом немного сбавил обороты. Кончились деньги и вещи, которые можно было продать. Пришлось искать работу. В этом ему помог бывший его солдат, ставший предпринимателем, доверив должность директора магазина. Но через некоторое время Павлов, покинув директорское кресло, оказался в грузчиках, кем обретался до сих пор. Если бы не сослуживец, державший бывшего командира лишь из-за того, что вместе с ним прошел ад войны, Павлова уже давно бы выгнали с работы. Но бывший подчиненный не давал капитану загнуться от голода. Впрочем, при том образе жизни, что вел Вячеслав, он скорее рисковал сгореть от водки. Но Андрею, при всем при этом, был близок Павлов. Майор спецназа понимал его, боевого офицера, оказавшегося ненужным армии, которой служил честно и мужественно. Он сломался, осознав то, что его армии больше не существует. Москвитин помогал Павлову, чем мог. Пытался вылечить от алкоголизма, правда бесполезно, оплатил несложную операцию по удалению старого осколка из бедра. Да и вообще относился к бывшему капитану хорошо, абсолютно уверенный в том, что тот никогда, ни за какие деньги и блага не предаст друга, не оставит его в опасности, а потребует – вновь станет в строй с боевыми товарищами, пусть даже лишь для того, чтобы умереть в бою! Несмотря на пьянки, как это ни странно, капитан-разведчик практически не утратил способность логически мыслить, и физическое состояние его стабилизировалось на том уровне, которому некоторые, усиленно пытающиеся улучшить здоровье люди, могли позавидовать. Вячеслав жил так, как хотел, никогда ни на что не жалуясь, только иногда, перебрав водки, поносил власть. В остальном и для соседей, и вообще для общества он был совершенно безобиден. Павлов да еще проститутка Оксана, живущая недалеко от стадиона «Динамо», были теми людьми, которым он мог довериться. Славе больше: он все же мужчина и доверенную тайну из него выбить было невозможно. Оксане меньше, все же она была женщиной, а с женщинами у Москвитина отношения как-то не складывались. Только Оксана, представительница того слоя женщин, к которым

боевой майор относился с презрением, что не мешало, однако, при случае пользоваться их интимными услугами, задела Андрея. Это произошло так.

В свой день рождения Андрей отправился в ночной клуб, где и увидел ее среди толпы таких же размалеванных девиц. Прилично напившись, он снял Оксану и поехал к ней домой. Первую ночь майор помнил плохо, но что-то сразу привлекло его в ней. Позже они встретились вновь, случайно, на Новом Арбате. Оксана шла мимо книжного супермаркета с девочкой лет семи. И Андрей сначала не узнал ее. Приглядевшись, окликнул. Поговорили. А вечером он был у нее. Тогда Москвитин узнал, что после развода с мужем Оксана осталась без средств к существованию. На руках дочь, а в Кузьминках больная мать. Сейчас ее уже не было в живых. А тогда женщине приходилось буквально разрываться. Подруга предложила работу в гостинице. Уборщицей. Оксана согласилась и... попала в сети сутенеров. Ее обработали быстро и заставили спать с клиентами. Оксана ни на что не жаловалась. Она находила в себе силы воспринимать действительность таковой, какова она есть. И просто жила, не обращая внимания на пересуды соседей, знавших о ее «профессии». Оксана жила ради дочери, на собственной судьбе поставив крест. Что сейчас с ней? Как она? Этого Андрей не знал, он не виделся с женщиной почти год.

Павлов с Оксаной не знали, кем на самом деле является Андрюша Москвитин. Для них он был торговым представителем одной из компаний с наскоро придуманным названием «Тайфун удачи».

Андрей взглянул на Павлова:

– А ты сегодня никак трезвый?

– Проспался. С утра пивка принял, немного бормотой догнался и на боковую. Недавно проснулся. Вроде не ломает, ну и не стал больше пить, хотя пузырь в холодильнике стоит.

– Это хорошо, что ты трезвый. Разговор, Слава, есть.

Майор с бывшим капитаном прошли в единственную комнату, в которой, кроме старой софы, платяного шкафа, трельяжа и черно-белого телевизора на тумбочке, ничего не было. Грязные шторы закрывали такие же грязные стекла окон. Прожженный в нескольких местах ковер. Единственное кресло, просевшее и оборванное, в углу возле бады с огромным кустом чайной розы. Яркие красные цветы явно не гармонировали с общим интерьером жилища Павлова.

– Устраивайся, Андрюша, говори, что за дела привели тебя ко мне.

Устроившись на кровати, сам хозяин квартиры достал из-под подушки пачку «Примы». Закурив, стряхивая пепел в переполненную окурками пепельницу.

Москвитин спросил:

– Мог бы, Слава, оказать мне услугу, не спрашивая ни о чем?

– Конечно, какой базар? Что надо сделать?

– Прогуляться до табачного киоска, купить в нем сигарет и вернуться. А по пути посмотреть, не ведется ли за подъездом, а также за тыловой стороной дома постороннего наблюдения?

Бывший капитан удивленно взглянул на майора:

– В какое дерьмо ты вляпался, Андрюха?

– Сам пока не знаю. Как вернешься, поднимись по лестнице до моей квартиры, но позвони в соседнюю. Попроси таблеток от головной боли.

– А на хрена тебе таблетки?

– Мне, Слава, лекарства не нужны. Они скорее тебе пригодятся. Мне же надо знать, в порядке ли моя хата и нет ли в подъезде посторонних личностей.

– А ты не подумал, менеджер, за каким чертом мне за таблетками лезть на твой этаж, когда я спокойно у соседки могу взять?

Андрей удивленно кивнул головой. Павлов мыслил правильно – и это хорошо! Ответил:

– С соседкой у тебя могут быть напряженные отношения.

– Ясно. На сигареты бабки давай.

Москвитин вручил товарищу тысячную купюру. Тот удивился:

– Куда столько? Мельче купюру давай!

– Бери, бери. У меня еще есть.

– У тебя-то есть, не сомневаюсь, только вот у меня откуда эта штука могла образоваться, если я на работе в день не больше двух соток получаю. А баба-продащица в табачном киоске меня знает.

Андрей вытащил еще пару пятисотенных купюр да одну десятку. Мельче денег у него с собой не было.

Видя такое дело, Вячеслав проговорил:

– Ладно. Хорошо по карманам шариться. На пару «Примы» и у меня будет. Все одно покупать сигареты пришлось бы. Короче, пошел я. Дверь закрою и открою сам. До связи, коммерсант.

Улыбнувшись, Вячеслав покинул квартиру.

Андрей подошел к окну. Отодвинул чуть в сторону штору, выглянул наружу. Прямо перед окнами первого этажа росли кусты, за ними тротуар, автомобильная дорога, железный забор. За ним парк. По тротуару шли люди, по улице проезжали машины. Все, как и должно быть. Ничего подозрительного.

Вернулся Вячеслав быстро. Прошел в комнату. Бросив сигареты и присев на кровать, внимательно взглянул на Москвитина, спросив:

– Так в какую историю ты попал, Андрюша?

Майор задал встречный вопрос:

– Что, пасут?

– Пасут! Двое из «Форда», что приткнулся у соседнего дома. В подъезде никого. С тыла тоже чисто.

– Из «Форда»? С номером...

– Да! Ты знаешь этих ребятишек?

– Неважно. На тебя они обратили внимание?

– А хрен их знает. Обратили, наверное, но никак это не обозначили.

Москвитин поднялся:

– Так. Понятно. Спасибо, Слав. Надеюсь, ты позволишь воспользоваться твоим окном?

– Ради бога. Лучше из кухни. Там куст черемухи, он скроет тебя от дороги. Дальше лучше вдоль здания и уже потом отойти от него. Это я тебе как разведчик советую. Хотя и не увидел я слежки с тыла, но там черт его знает, может, прогуливающийся с собачкой безобидный с виду старичок заодно с теми, что в «Форде».

Павлов опять спросил:

– Объяснить, во что вляпался, не хочешь?

– Нет, Слав. Но не не хочу, а пока не могу. Как-нибудь потом. Не думаешь, что эти наблюдатели, зафиксировав тебя, не прощупают твою персону?

– Что-то ты, Андрюша, заговорил языком профессионального военного. И военного, близкого к разведке?

– Тебе показалось, но ты не ответил на вопрос.

Вячеслав подошел к Москвитину:

– Иди с богом, Андрюша, обо мне не думай, свою задницу прикрывай. А я в случае чего смогу встретить непрошенных гостей. Под кроватью десятизарядная «Сайга» двенадцатого калибра лежит. Неплохой аргумент для предметного разговора, не правда ли?

– Ну, раз так, пошел я.

– Давай. Если что, перед тем как вернуться, позвони.

– У тебя же нет телефона.

– Не было. Теперь есть. Сотовый. Запиши номер.

Москвитин сделал так, как посоветовал бывший разведчик. На выходе из парка майор поймал такси.

– По Ленинградке на улицу Правды.

Водитель мягко тронул новенькую «Волгу» и повел ее к названному пункту назначения. Андрей внимательно следил за дорогой и за машинами, иногда появляющимися сзади. Водитель спросил:

– Вас кто-то может преследовать?

Москвитин изобразил удивление, переведя взгляд на таксиста:

– С чего вы это взяли?

Водитель вздохнул:

– Я, господин хороший, почти десять лет опером в МУРе прослужил. После болезни списали. Занялся извозом. Так что я вижу, как вы следите за обстановкой.

Андрей улыбнулся:

– И все же вам показалось.

– Да? Ну что ж, показалось так показалось. Но так, к слову, все же скажу. Никто нас не пасет. Поверьте мне.

Недалеко от улицы Правды Андрей остановил такси. Вышел и направился обратно к Ленинградскому проспекту. До улицы Мишина, где проживала Оксана, решил пройти пешком. Далековато, но безопасно. Тем более в зеленой зоне у стадиона «Динамо» ему легко будет затеряться. Все же офицер спецслужбы до сих пор не отбрасывал вариант возможной слежки. Был же установлен пост наблюдения у его дома? Значит, Оболенскому небезразличны передвижения майора. А светить подругу он не имел никакого права. Хватит Ковалевой с ее дочерью. Возле знакомого дома Москвитин внимательно осмотрелся, зашел в беседку, одиноко стоящую на месте, где когда-то располагалась детская площадка. Достал сотовый телефон. Желательно, чтобы Оксана сейчас находилась дома, но даже если женщина на работе, он, сообщив о себе, дождется ее.

Оксана оказалась дома.

– Привет, красотка.

– Андрей? Ты?

– Мне помощь нужна, Оксана! Я рядом с твоим домом. Зайду?

Женщина в домашнем халате пропустила гостя в прихожую, закрыла за ним дверь.

На кухне достала из холодильника бутылку сухого вина, тарелку с лимонными дольками и шоколадными конфетами. Добавила из шкафа два фужера и пепельницу. Жестом указала майору на стул. Сама присела напротив.

– За встречу, Андрюша?

– За встречу.

Отпили по глотку.

– Ты позволишь переночевать у тебя?

Женщина рассмеялась:

– Вот оно что? Вот, значит, какая помощь тебе требуется? Ну, так бы и сказал, что на бабу потянуло.

– Не в этом дело, Оксана. Мне нужно эту ночь провести вне дома. Короче, неприятности у меня. Завтра я решу все свои проблемы. Сегодня же меня ищут люди, с которыми встречаться я бы не хотел.

– Попал на бабки, что ли?

– Ну, что-то в этом роде...

На кухне они просидели недолго. Захмелевшая Оксана заставила Андрея раздеться и отправиться в душевую кабину, куда вошла и сама. Там, под струями воды она прильнула к крепкому телу майора...

Разбудила Москвитина женщина в шесть утра легким покусыванием его сосков. Утром Оксану всегда охватывало сильное желание. Хотя засыпала женщина накануне полностью удовлетворенной и измученной.

После душа и туалета, приведя себя в порядок и одевшись, Андрей с Оксаной вновь устроились на кухне. Женщина сварила кофе.

Легко позавтракав, Москвитин взглянул на часы: 7.20.

Оксана спросила:

– Уходишь?

– Да. Но хочу попросить тебя об одной услуге.

– Проси. Для тебя – все, что угодно.

Майор прошел в прихожую, достал из куртки конверт, в котором находились фотографии Оболенского с чеченским полевым командиром и копия досье на последнего.

Положил конверт на стол, объяснив:

– Здесь, Оксана, очень важные документы. Из-за них уже пролилась кровь. Носить с собой я их не могу, но и передать, куда надо, пока тоже! Не могла бы спрятать этот конверт у себя? О нашей связи не знает никто, по крайней мере из числа тех людей, которые очень хотели бы занять эти документы. Думаю, у тебя они будут в наибольшей безопасности! Но если ты боишься...

– Ничего я не боюсь, Андрюша! А вот твои проблемы, как мне кажется, сегодняшним днем не разрешатся. Может, будет лучше, если ты останешься у меня? И конверт будет цел, и ты при нем.

Майор отрицательно покачал головой:

– Нет, Оксана. Я не могу остаться.

– Видимо, ты оказался в крутом переплете. Что ж, оставляй свои бумаги и не беспокойся, в чужие руки они не попадут... За ними могут ко мне прийти?

– Нет. Это исключено. Я не стал бы подставлять тебя.

– Хорошо, но все же дополнительные меры предосторожности не помешают.

– Что ты имеешь в виду?

– Я тут за соседкой, старенькой и больной, ухаживаю. На добровольных, так сказать, началах. Хожу бабушке за лекарствами, кое в чем помогаю. Так вот твои бумаги у нее спрячу. Ты не против? У старушки огромная библиотека, в одну из книг и положу конвертик.

Майор думал недолго. Оксана предложила неплохой вариант.

– Хорошо. Но, как при необходимости и без тебя я смогу забрать обратно документы?

– Очень просто. У меня есть дубликат ключей от их квартиры. Возникнет необходимость, откроешь дверь и сразу справа библиотека. Старушка глуховата, ничего не услышит. Конверт будет на пятой снизу полке, скажем, в третьей от края слева книге. Заберешь, захлопнешь дверь – и все дела. А дубликат ключей в Москву-реку бросишь, мне они ни к чему!

– Хорошо, прячь у соседки! А ключи мне не нужны. Я найду тебя!

– И все же запомни: пятая полка, третья слева книга.

– Запомнил. Спасибо тебе, Оксана. За все спасибо.

Москвитин покинул квартиру Оксаны Светловой, рассчитывая вскоре вернуться туда. Он не знал, что сможет сделать это лишь спустя долгое время. Долгое и очень сложное для него. А пока он прошелся до ближайшей стоянки такси и отправился к себе.

Появления Москвитина никак не ожидали Гном с Ринатом. Они находились в полной уверенности, что клиент провел вечер и ночь у себя дома. А оказалось, этот майор провел их.

Андрей же, сев в свой автомобиль, выехал с площадки. «Форд» последовал за ним.

Гном, находившийся за рулем, спросил сообщника:

– Что шефу докладывать будем? Что об... ал нас клиент?

– Да за это капитан кончит нас без всяких базаров. Нет уж. Доложим, что майор ночевал дома.

Гном вздохнул:

– Это точно. Тогда докладывай.

Ринат набрал номер на сотовом телефоне.

– Это Ринат, шеф! Все нормально! Объект наблюдения с 18.00 и до 8.00 находился у себя в квартире. Никуда не выходил. К нему тоже никто не приходил.

Григорян спросил:

– Где он сейчас?

– Едет, наверное, в контору.

– Вы следите за ним?

– Да.

– Прекратить немедленно сопровождение и уйти в первый же переулок. Далее – домой отсыпаться. Будете нужны, вызову. Все, отбой.

Ринат отключил телефон:

– Ну, вот и порядочек. Уходи в сторону, и по домам. Отдыхаем.

Андрей, заметивший, естественно, «Форд», начавший от дома сопровождение его машины, в зеркале заднего вида увидел, как сидящий справа пассажир с кем-то разговаривает по телефону. После чего иномарка свернула вправо на первом же повороте.

Майор улыбнулся, проговорив:

– Ну-ну. Езжайте, мальчики. Отдыхайте пока. Разговор с вами еще впереди. И вряд ли он доставит вам удовольствие.

В 9.00 Москвитин въехал на территорию центрального офиса Службы. За контрольно-пропускным пунктом его остановил оперативный дежурный. Андрей опустил боковое стекло, спросив:

– В чем дело, старший лейтенант?

– Извините, товарищ майор, генерал Оболенский приказал, чтобы вы, как только придете, сразу же явились к нему в кабинет.

Спустя несколько минут майор вошел в кабинет руководителя спецслужбы:

– Разрешите, товарищ генерал?

– А, Москвитин? Входи. Кофе, чай?

– Кофе, если можно.

Генерал отдал приказ секретарю приготовить кофе. Сам же расстелил перед Москвитиным карту одного из районов Чечни, присел напротив. Секретарь внесла поднос с чашками.

Оболенский взглянул на майора:

– Вызвал я тебя, Андрей Григорьевич, по делу срочному, неотложному. Постараюсь быть кратким.

Генерал сообщил, что по разведданным, в том числе и по собственным данным командира отряда спецназа «Гарпун», в одном из населенных пунктов ущелья Хатулам в ближайшее время планируется сход командиров самых крупных на настоящий момент террористических группировок, действующих в горах Чечни. Сход должен пройти при непосредственном участии самого Адама Дахашева, или Джурсы. Спецслужба получила приказ силами отряда «Гарпун» блокировать ущелье Хатулам и провести операцию по захвату или уничтожению бандитских главарей.

Допив кофе, Москвитин спросил:

– Ну а я здесь при чем?

– А при том, майор, что ты сегодня же должен убыть в отряд, отобрать там лучших бойцов, и, выдвинувшись с ними к ущелью Хатулам, организовать и провести акцию нейтрализации руководителей незаконных вооруженных формирований. При этом твоя главная цель – Адам Дахашев. Главная и персональная цель. Где конкретно пройдет их сход – разведка обещала сообщить дополнительно. Но вполне возможен и такой вариант, что точных данных по месту встречи боевиков мы не получим. Поэтому решено к операции привлечь весь отряд «Витязь», дабы заблокировать ущелье так, чтобы все потенциально пригодные для появления бандитов аулы были взяты спецназом под контроль. Но конкретику работы по Джуре и остальным отморозкам так называемых сил освобождения независимой Ичкерии согласишься непосредственно с полковником Карцевым – командиром отряда «Гарпун».

Поняв, что разговор окончен, Москвитин поднялся из-за стола. Спросил:

– Я лечу в Чечню один?

– Как всегда. Все необходимое снаряжение получишь в отряде.

– Когда и на чем вылет?

– В 20.00, на транспортном «Ил-76». Борт доставит тебя в Моздок, где встретит офицер отряда. На «вертушке» «Гарпуна» доберешься до места дислокации нашего спецназа. Далее – по обстановке. В 16.00 сообщи оперативному дежурному, откуда забрать тебя для доставки на аэродром. Еще вопросы будут?

Москвитин внимательно взглянул в глаза Оболенскому. Тот спокойно выдержал взгляд майора. Андрей произнес:

– Вопросов не будет, будет просьба.

– Я слушаю тебя.

– На похоронах Анастасии Ковалевой и ее дочери возложите к могилам венок от меня, лично возложите!

Оболенский кивнул:

– Я сделаю это, обещаю. Вы были близки с Анастасией Павловной?

Майор ответил коротко, покривив сознательно душой:

– Да. Настолько близок, что ее смерть стала для меня ударом. И я не верю в то, что семью убил бывший муж.

Генерал держал себя в руках:

– Это ваше право.

И неожиданно добавил:

– Признаться, майор, и мне версия следственных органов кажется слишком простой и... удобной кое для кого. Думаю, мы еще вернемся к этому вопросу.

– Благодарю.

– Я провожу тебя. Подъеду на аэродром. Возможно, к вечеру у меня появятся дополнительные разведанные по Джуре.

Москвитин четко, по-уставному развернувшись через левое плечо, вышел из кабинета, сразу спустившись к себе в комнату № 14. Присел за рабочий стол. Интересно складывается обстановка. То о Дахашеве никто ничего не знал, а то сразу все разведывательные службы различных уровней и ведомств одновременно вышли на его след. Мало того, узнали, что Джуре собирается в ущелье Хатулам провести сбор основного костяка бандитских группировок. И все это после встречи Оболенского с Батыром. Что-то тут не так! Сам собой напрашивается вывод: готовится подстава. Провокация. Но уж слишком явно она готовится. В то, что его, Москвитина, в сложившейся обстановке Оболенский решает отправить на Кавказ, ничего особенного нет. Андрей и предназначен для того, чтобы уничтожать таких, как Джуре и Батыр. Но, с другой стороны, при имеющейся разведывательной информации отряд «Гарпун» вполне мог обойтись и без диверсанта-одиночки. У полковника Карцева две полноценные диверсионно-штурмовые группы общим числом в шестьдесят отменно подготовленных профессионалов высочайшего

уровня плюс вертолетное звено, которое может быть использовано и в транспортных целях, и как подразделение воздушной огневой поддержки. Для чего Карцеву понадобился Москвитин? Ведь ему придется действовать не в привычном режиме, когда он выходил на цель один, а группа спецназа лишь прикрывала его действия и обеспечивала безопасный отход. Майору придется работать совместно с бойцами отряда. И какую особую ценность в этом случае имеет специалист-одиночка? Никакой. Он становится одним из бойцов. Но «Гарпун» не нуждается в усилении боевой группировки, да еще одним офицером. Нет, что-то в этой командировке не так. Уж не готовит ли Оболенский Москвитину какой подянки в горах? Предположим, генерал решил избавиться от майора. Здесь, в Москве, это сделать непросто, да и нежелательно. Другое дело в Чечне. Там любой офицер может пасть от пули противника. Или от пули человека генерала. Главное, в Чечне задача по ликвидации Андрея вполне выполнима. Не оттого ли генерал и отправляет его в отряд? Но тогда получается, что для Оболенского он, майор Москвитин, представляет смертельную угрозу. Чем может быть опасен для генерала его подчиненный? Только тем, что завладел документами покойной Ковалевой, компрометирующими руководителя спецслужбы настолько, что в случае их передачи компетентным органам генерал вполне реально может оказаться за решеткой. И возможно, в компании с другими высокопоставленными продажными чиновниками. Значит, Оболенский просчитал вероятность передачи компромата Ковалевой именно ему, Москвитину. Отсюда и слежка за ним. И отправка в Чечню. А может, ничего подобного? И генерал отправляет его в отряд действительно на усиление проведения боевой операции против Джуры и его приятелей? Но о чем тогда разговаривал Оболенский в Москве с Батыром? Может, как раз об этой операции? То, что генерал в сговоре с бандитами, понятно, иначе он не стал бы убивать Ковалеву. Только вот какова роль Оболенского в этом сотрудничестве генерала антитеррористической спецслужбы с руководством «сил сопротивления»? Возможно, Джура вышел из-под контроля своих хозяев, в число которых входит и Оболенский. И генерал снарядил с Батыром варианты ликвидации Дахашева? После чего разведка сразу же получила информацию о намерениях Джуры. Этой информацией вполне мог обладать Батыр. А после встречи в московском кафе – и Оболенский. Что ж, такой ход объясняет если не все, то многое. И главное – то, что хозяева моджахедов решили сменить руководство бандформирований. Посадить Батыра или еще кого на место Джуры, которого ликвидировать руками спецслужбы. Это уже ближе к истине. Но не истина! Да и не может Москвитину сейчас быть доступна истина. Все станет на свои места в Чечне. Где, кстати, Оболенский может попытаться убить сразу двух зайцев: и провести «антитеррористическую» операцию, и в ходе ее предпринять что-либо против Москвитина. Генералу нужен майор. Нужен для того, чтобы уничтожить. Посмотрим, как в Чечне будут разворачиваться события. Вполне вероятно, что майор вообще сделал ошибочные выводы. Короче, жизнь покажет. Но дела на Кавказе ждут его интересные. Очень интересные!

Оставшись в одиночестве, проводив Москвитина, генерал Оболенский вызвал автомобиль. Доехал на нем до той же набережной и приказал остановиться у той же пристани прогулочных катеров. Вышел из салона, пошел вдоль высокого парапета.

Отошел метров на пятьдесят, осмотрелся, как и в прошлый раз, достал из кейса спутниковый телефон:

- Адам? Оболенский!
- Здравствуй, Петр Константинович, рад слышать тебя
- Взаимно. Сегодня отправляю в «Гарпун» Москита.
- Понял. Когда он будет в отряде?
- Завтра утром.

Джура задумчиво проговорил:

– Завтра воскресенье, 13 июня. Плохое число для отправки своего майора ты выбрал, генерал.

– А я в приметы не верю.

– Напрасно. Что такое примета? Это предупреждение. И приметы складываются веками, обобщая опыт времен.

Генерал поморщился:

– Давай лучше о деле поговорим.

– У меня все готово. Пятнадцатого числа твой спецназ может начинать работу в ущелье. Дополнительную дезинформацию в разведку федеральных сил я сброшу послезавтра. В ней и будет указана «цель» для твоего Москита. Надеюсь, он все сделает, как всегда.

– Я под видом проводов Москита встречусь на аэродроме с Борисом Борисовичем. С ним еще раз уточним план переброски тебе товара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.